Опрокинутый мир

Автор:
Кристофер Прист

Опрокинутый мир

Кристофер Прист

Эксклюзивная классика (АСТ)

Роман «Опрокинутый мир», получивший премию Британской ассоциации научной фантастики, рассказывает о странном огромном Городе, который непрерывно передвигается по рельсам, и его обитателях, неустанно прокладывающих железнодорожные пути впереди и разбирающих рельсы позади движения Города. Гельвард Манн из Гильдии Разведчиков возвращается в места, покинутые Городом, и делает поразительное открытие…

Кристофер Прист

Опрокинутый мир

Моим матери и отцу

Как оглянешься окрест,

В мире много странных мест,

А присмотришься сурово —

В мире странном все не ново:

Труд с восхода дотемна

Да ошибок пелена.

Сэмюэл Джонсон

Серия «Эксклюзивная классика»

Christopher Priest

INVERTED WORLD

Перевод с английского О. Битова

Серийное оформление и компьютерный дизайн Е. Ферез

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental Literary Agency Limited.

© Christopher Priest, 1974

© Перевод. О. Битов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

От автора

Отдельные ситуации, описанные в этом романе, встречались в одноименном коротком рассказе, который был впервые опубликован в 22-м выпуске антологии «Новое в научной фантастике» (издательство «Сидгуик энд Джексон»). Однако, если не считать отчасти сходного фона, на котором развертывается действие, да имен двух-трех героев, между романом и рассказом, в сущности, нет почти

ничего общего.

Кр. Прист

Пролог

Элизабет Хан закрыла двери в поликлинику и замкнула их. Она медленно пошла по деревенской улице туда, где люди собирались на площади возле церкви. Весь день, когда складывали огромный костер, царила атмосфера ожидания, и теперь взволнованные дети бежали по улице, предвкушая, что его вот-вот зажгут.

Элизабет первая пришла к церкви, но не заметила признаков присутствия отца Дос Сантоса.

Через несколько минут после заката кто-то поднес огонек к сухому труту в основании дровяной груды, и яркое пламя, потрескивая, взметнулось ввысь. Дети танцевали и прыгали, восторженно крича, когда какое-либо из поленьев выскакивало из общей кучи, выбрасывая искры.

Мужчины и женщины сидели или лежали на земле вокруг костра, пуская по кругу бутылки с темным и густым местным вином. Двое мужчин, сидевших чуть в отдалении от других, перебирали струны гитары. Музыка была нежной – такую играют для собственного удовольствия, не для танцев.

Элизабет села рядом с музыкантами и отхлебнула вина, когда бутылка дошла до нее.

Позднее музыка сделалась чуть громче и ритмичнее, и кое-кто из женщин запел. Это была очень старая песня, слов которой Элизабет не понимала, так как она пелась на незнакомом ей диалекте. Несколько мужчин, здорово набравшиеся, вскочили и принялись танцевать, размахивая руками.

Повинуясь рукам, поднимающим ее с земли, Элизабет вышла вперед и стала танцевать вместе с женщинами. Они смеялись, пытаясь показать ей правильные движения. Их ноги поднимали облачка пыли, которые медленно скользили по воздуху, прежде чем их затягивало в вихрь жара над огнем. Танцуя, Элизабет пригубила еще вина.

Остановившись передохнуть, она заметила, что появился Дос Сантос. Он стоял в некотором отдалении, наблюдая за празднеством. Она помахала ему рукой, но он не ответил. Она задалась вопросом, отклонил ли он этот призыв или же был слишком сдержанным, чтобы присоединиться к общему веселью. Это был застенчивый, неуклюжий юноша, относившийся к жителям деревни с неловкостью и еще не знавший, что они испытывают к нему. Как и Элизабет, он был новичок и аутсайдер – несмотря на это, Элизабет полагала, что вольется в деревенское сообщество раньше него. Одна из девушек, видя, что Элизабет стоит на месте, взяла ее за руку и вовлекла в танец.

Огонь прогорел, музыка замедлилась. Желтое пламя сократилось до круга, подступающего к самому огню, и люди вновь опустились на землю, счастливые, расслабленные, уставшие.

Элизабет отказалась от очередной бутылки, проплывшей мимо, и вместо этого поднялась на ноги. Она выпила чуть больше, чем рассчитывала, и ее слегка пошатывало. Кто-то звал ее остаться, но она покинула площадь и вскоре углубилась в темноту за ее пределами. Ночной воздух был тих.

Она шла медленно, глубоко дыша, пытаясь прочистить мозги. Этой дорогой она воспользовалась в прошлый раз – через невысокие холмы, окружавшие деревню, – и вот шагала по этому пути, слегка пошатываясь на неровностях почвы. Когда-то, вероятно, это были необработанные пастбищные земли, но теперь в деревне не занимались сельским хозяйством.

Это была дикая и прекрасная страна, желтая, белая и коричневая в солнечном свете – а сейчас черная и стылая, лишь бриллианты звезд над головой.

Спустя полчаса она почувствовала себя лучше и повернула обратно к деревне. Спустившись через рощу деревьев сразу за домами, она услышала звук голосов. Она замерла, прислушиваясь… но смогла уловить только интонацию, не разбирая слов.

Двое мужчин беседовали, но не только они – время от времени Элизабет слышала и другие голоса, возможно, соглашавшиеся с этими двумя или комментирующими. Это ее нисколько не касалось, однако же возбудило любопытство. Слова звучали резко, и чувствовалось, что кто-то из спорщиков подбирает аргументы. Элизабет колебалась еще несколько мгновений, затем двинулась дальше.

Костер на деревенской площади между тем окончательно догорел, лишь угли тлели.

Она спустилась к своей поликлинике. Открывая дверь, она уловила какое-то движение и увидела человека возле дома напротив.

– Луис? – сказала она, узнавая.

– Доброй ночи, Менина Хан.

Он поднял руку в приветственном жесте и вошел в дом, неся с собой нечто вроде большого мешка или саквояжа.

Элизабет нахмурилась. Луис на празднике отсутствовал – теперь она была уверена, что именно его она слышала в роще. Она чуть помедлила на пороге, затем вошла внутрь. Закрывая дверь, она ясно расслышала в тишине ночи удаляющийся конский топот.

Часть первая

1

Наконец-то мне исполнилось шестьсот пятьдесят миль. За дверью собрались гильдиеры: там должна произойти церемония, где меня примут в ученики гильдии. Трепетный знаменательный миг – словно итог всей моей предыдущей жизни.

Мой отец всегда был гильдиер, и, сколько я себя помню, уже одно это создавало между нами громадную дистанцию. Я уважал его: жизнь гильдиера казалась мне увлекательной, освященной бременем ответственности и чувством цели. Отец ничего не говорил мне о своей работе, но его форма, его подчеркнутая сдержанность и частые отлучки из Города лучше всяких слов говорили о том, что он по горло занят делами первостепенной важности.

Еще немного – и передо мной откроется дорога в его заманчивый мир. Мне выпала высокая честь, на меня возложат какие-то интересные обязанности – ни один мальчишка, выросший в тесных стенах яслей, не совладает с волнением перед этим великим шагом.

Ясли представляли собой небольшое строение на южной оконечности Города. Они были совершенно обособлены – загон из нескольких коридоров, классных комнат и спален. С остальной частью Города ясли связывала единственная и, как правило, запертая дверь, а для физической разрядки оставались лишь маленький гимнастический зал и крохотная открытая площадка, стиснутая со всех сторон высоченными стенами соседних зданий.

Как и всех других детей, меня отдали на попечение персонала яслей сразу после рождения, и я не знал другой жизни. О матери у меня не сохранилось даже воспоминаний: она покинула Город, как только я родился.

Жизнь в яслях была однообразной, но вместе с тем не такой уж скучной. У меня завелись друзья, и один из них – парнишка по имени Джелмен Джейз. Он был на несколько миль старше и вступил в пору ученичества незадолго до моего. Теперь я надеялся, что встречусь с ним снова. С тех пор как Джейз достиг возраста зрелости, я виделся с ним лишь однажды – как-то раз он забегал в ясли на минутку. Джейз уже успел перенять у гильдиеров их озабоченный вид, и я, как ни бился, не узнал от него ничего. Зато теперь, когда я стану учеником гильдии, ему наверняка будет что мне рассказать.

В приемную, где я стоял, вышел администратор.

– Все готово, – сказал он. – Ты помнишь, что тебе надо делать?

– Помню.

– Тогда желаю удачи.

Я вдруг обнаружил, что дрожу, ладони у меня взмокли. Администратор, тот самый, что утром вывел меня из яслей, сочувственно усмехнулся. Он воображал, что понимает мое состояние, – но ведь ему известна была в лучшем случае половина уготованного мне испытания.

После церемонии посвящения меня ожидало еще кое-что. Отец уже сообщил мне, что условился о моей женитьбе. Я принял эту новость спокойно, поскольку знал, что гильдиерам положены ранние браки, и к тому же был знаком с избранницей. Ее звали Виктория Леру, мы вместе воспитывались в яслях. Общего между нами было немного – девочки в яслях были наперечет, а потому старались держаться спаянной группкой, – и все же мы не казались друг другу совсем посторонними. Хотя представить себя женатым человеком мне было все равно трудно: чтобы привыкнуть к этой мысли, нужно время, а мне его не дали.

Администратор бросил взгляд на стенные часы.

– Ну что ж, Гельвард. Пора.

Мы обменялись коротким рукопожатием, он открыл дверь и вошел в зал. Я успел заметить, что в зале полно гильдиеров, а под потолком горят яркие светильники.

Администратор остановился сразу же за дверью и обратился к кому-то сидевшему сбоку на возвышении.

– Ваша светлость лорд-навигатор, прошу вашего внимания.

– Представьтесь.

Голос доносился издали – с места, где я стоял, говорившего было не разглядеть.

– Брух, администратор внутренней службы. По приказу главного администратора я привел юношу по имени Гельвард Манн, который желает стать учеником одной из верховных гильдий.

– Ваши полномочия ясны, Брух. Введите соискателя.

Брух обернулся и взглянул на меня, и я, следуя его наставлениям, шагнул в зал. В центре зала была установлена небольшая кафедра, я приблизился к ней и замер.

И – поднял глаза.

Передо мной на помосте в сиянии прожекторов в кресле с высокой спинкой сидел пожилой человек. На нем был черный плащ с вышитым на груди кругом яркой белизны. Справа от кресла стояли трое мужчин, слева – тоже трое, все шестеро в плащах, с перевязями разных цветов через плечо. Перед помостом на полу толпились еще мужчины и несколько женщин. Там же находился и мой отец.

Все смотрели на меня, только на меня, и мое волнение усиливалось с каждой секундой. В голове не осталось ни единой мысли – заботливые наставления Бруха начисто вылетели из памяти.

В тишине, наступившей вслед за моим появлением, я уставился на человека, сидящего в центре помоста. Никогда за все детские и юношеские мили я в глаза не видел живого навигатора. В недавнем прошлом, в яслях, мы говорили о навигаторах с глубоким почтением, и даже самые дерзкие если и позволяли себе какую-нибудь вольность в их адрес, то в самом тоне шутки все же слышалось преклонение перед людьми, почти легендарными. Тот факт, что один из навигаторов почтил церемонию своим присутствием, подчеркивал ее значение. Мелькнула мысль, что теперь-то будет чем похвалиться перед друзьями… но тут я вспомнил, что отныне и навсегда ничто не останется для меня таким, как прежде.

Брух выступил вперед и повернулся ко мне лицом:

– Ваше имя Гельвард Манн, сэр?

– Совершенно верно.

– Каков ваш возраст, сэр?

– Шестьсот пятьдесят миль.

– Вы осведомлены о значении этого возраста?

– С этим возрастом приходят права и обязанности взрослого.

– Как вы намерены распорядиться полученными правами?

– Я хотел бы стать учеником одной из верховных гильдий.

– А какой именно? Вы уже сделали выбор, сэр?

– Да, сделал.

Брух вновь повернулся к помосту и повторил мои ответы слово в слово, хотя, казалось бы, люди на помосте должны были слышать их.

– У вас есть вопросы к соискателю? – осведомился навигатор у стоявших рядом.

Никто из шестерых не откликнулся.

– Хорошо. – Навигатор поднялся с кресла. – Подойди поближе, Гельвард Манн, и встань так, чтобы я видел тебя.

Брух отступил в сторону. Я оставил кафедру и вышел на середину ковра, где белел небольшой пластмассовый круг. В центре круга я остановился. Несколько долгих секунд меня разглядывали в полном молчании.

Затем навигатор обратился к одному из тех, кто стоял на помосте:

– Присутствуют ли здесь поручители?

– Да, ваша светлость.

– Хорошо. Поскольку дело входит исключительно в компетенцию наших гильдий, да удалятся все посторонние.

Навигатор сел, и вперед выступил его ближайший сосед справа.

– Остались ли здесь лица, не удостоенные звания полноправного гильдиера? Если остались, убедительно просим их покинуть зал.

Брух держался чуть позади меня и немного сбоку, и краешком глаза я заметил, как он слегка поклонился в сторону помоста и удалился. Он оказался не единственным: почти половина присутствовавших последовала его примеру. Те, кто остался, опять повернулись ко мне.

– Видим ли мы чужаков, затесавшихся в наши ряды? – спросил человек на помосте. Ответом ему служило молчание. – Соискатель Гельвард Манн, вы находитесь ныне среди гильдиеров верховных гильдий. Церемонии, подобные этой, происходят в Городе не каждый день, и вы должны отнестись к ней подобающим образом. Мы все здесь сегодня собрались ради вас. Когда вы закончите ученичество, эти люди станут вашими старшими товарищами, и вы будете связаны с ними общностью наших правил. Вам все понятно?

– Понятно, сэр.

– Вы заявили, что выбрали гильдию, куда хотите вступить. Назовите ее для общего сведения.

– Я хотел бы стать разведчиком будущего, – ответил я.

– Ну что ж, приятно слышать. Я разведчик будущего Клаузевиц, и мне доверено возглавлять нашу гильдию. Вокруг вас сейчас стоят другие разведчики будущего, а равно представители остальных верховных гильдий. Рядом со мной на возвышении – главы этих гильдий. В центре – почтивший нас своим присутствием лорд-навигатор Олссон…

Как учил меня Брух, я отвесил навигатору глубокий поклон. Поклон – вот и все, что я помнил из наставлений своего провожатого: он заявил, что не посвящен в подробности этой части церемонии, но что я безусловно обязан выказать навигатору, когда буду формально ему представлен, максимум уважения.

– Кто готов поручиться за соискателя?

– Сэр, я хотел бы за него поручиться…

Это произнес мой отец.

– Поручитель – разведчик будущего Манн. Кто поддерживает поручителя?

– Сэр, я готов поддержать его.

– Поддерживает мостостроитель Леру. Кто выступает против соискателя?

Последовала долгая тишина. Еще дважды Клаузевиц призывал желающих проголосовать против, но моя кандидатура так и не вызвала никаких возражений.

– Быть посему, – заявил Клаузевиц. – Гельвард Манн, вашему вниманию предлагается клятва верховных гильдий. Вы имеете право, даже на этой стадии церемонии, отказаться принять ее. Но если вы решите принести клятву, то будете связаны ею до конца своей жизни. Наказание за клятвопреступление – немедленная казнь. Надеюсь, вы полностью осознаете сказанное?

Я был ошеломлен. Ни один человек – ни отец, ни Джейз, ни даже Брух – не проронил об этом ни слова. Ну, допустим, Брух был не в курсе дела, но отец, неужели отец не мог хотя бы предупредить меня?..

– Ну так что же?

– Я должен ответить сейчас же, сэр?

– Да.

Не вызывало сомнений, что я и в глаза не увижу клятвы, пока не отвечу. Быть может, само ее содержание оправдывает такую секретность? Я понимал, что выбора, в сущности, нет. Я зашел уже слишком далеко: за меня поручились, меня почти приняли – отказаться от клятвы было уже просто нельзя. По крайней мере, в тот момент я понимал это только так.

– Я согласен принести клятву, сэр.

Клаузевиц сошел с помоста, приблизился и вручил мне кусок белого картона.

– Прочтите клятву вслух, громко и внятно, – объявил он. – Можете сначала пробежать ее глазами, но имейте в виду, что и в этом случае вы сразу же подпадаете под власть ее требований…

Я кивнул в знак того, что условия мне понятны, и он вернулся на помост. Я стал читать клятву про себя, вникая в ее высокопарные фразы.

Затем я снова повернулся лицом к помосту, и на меня устремили внимание все, кто был в зале, не исключая, разумеется, и отца.

– Я, Гельвард Манн, достигнув возраста зрелости и вступая в права гражданина Города Земля, торжественно клянусь: не жалея сил выполнять любые обязанности, возложенные на меня славной гильдией разведчиков будущего; ставить интересы безопасности Города превыше всех личных забот; ни при каких обстоятельствах не обсуждать дела своей гильдии и других верховных гильдий ни с кем, кроме самих гильдиеров и утвержденных в звании, принесших клятву учеников; расценивать все испытанное и увиденное мною за пределами Города как тайну, не подлежащую разглашению вне гильдии; заслужив звание полноправного гильдиера, ознакомиться с документом, известным как Директива Дистейна, и следовать его букве и духу, а в дальнейшем передать полученные знания следующим поколениям гильдиеров; и наконец, хранить в строгом секрете как самый факт принесения настоящей клятвы, так и ее содержание.

Принося эту клятву, я отдаю себе полный отчет в том, что нарушение любого из ее пунктов влечет за собой немедленную смерть от руки моих коллег-гильдиеров…

Закончив читать, я взглянул на Клаузевица. Самый процесс чтения этих высоких слов наполнил мою душу почти невыносимым восторгом.

«За пределами Города…» Значит, мне предстоит выйти за его стены, значит, мне как ученику гильдии станут доступны места, доселе запретные для меня и поныне запретные для большинства жителей Города. Ясли полнились слухами о том, что же находится за пределами Города, и мне самому доводилось строить на этот счет самые невероятные домыслы. Рассудок подсказывал мне, что явь не угонится за нашими фантазиями, и все равно передо мной раскрывались перспективы ослепительные и страшные. Неспроста гильдиеры набросили на них плотные покровы тайны: вероятно, за стенами Города скрывается что-то столь ужасное, что за разглашение природы этого ужаса возможна лишь одна достойная кара – смертная казнь…

– Поднимитесь на сцену, ученик Манн!.. – провозгласил Клаузевиц.

Я двинулся вперед, кое-как одолев четыре ступеньки, ведущие на помост. Клаузевиц приветствовал меня пожатием руки, а заодно отобрал у меня картонку с клятвой. Я был представлен прежде всего навигатору, который молвил мне несколько ласковых слов, а затем и главам других верховных гильдий. Клаузевиц называл мне не только их имена, но и титулы – иные из этих титулов я услышал впервые. На меня обрушился такой поток сведений, что я был просто не в силах их усвоить: за считаные мгновения я узнал, наверное, столько же, сколько за все годы жизни до этого самого дня.

Верховных гильдий насчитывалось шесть. В придачу к гильдии разведчиков, возглавляемой Клаузевицем, была еще гильдия, ответственная за движение Города, еще одна, занятая прокладкой путей, и еще одна – возведением мостов. Мне разъяснили, что именно эти гильдии в первую очередь отвечают за сохранение условий, обеспечивающих Городу дальнейшее существование. Разведчикам, движенцам, путейцам и мостостроителям помогали еще две гильдии – стражников и торговцев-меновщиков. Все это было для меня внове, хоть я и припоминал теперь, что отец порой называл походя разных людей, используя наименования их гильдий как имена собственные. Мне доводилось, например, слышать о мостостроителях, однако до этой церемонии я и представить себе не мог, что строительство моста – событие, окутанное ореолом таинственности и обрядности. Каким таким образом мост может стать условием, обеспечивающим выживание Города? Зачем нужны стражники?

И собственно, что такое разведка будущего?

По приглашению Клаузевица я обменялся рукопожатиями с другими гильдиерами-разведчиками, в том числе конечно же и с отцом. Впрочем, разведчиков в зале оказалось только трое: остальные, как мне объяснили, находятся далеко от Города. Завершив круг знакомств, я поговорил с представителями других верховных гильдий – в зале был по крайней мере один делегат от каждой из них. У меня постепенно складывалось впечатление, что работа за пределами Города отнимает у гильдиеров максимум времени и сил: то один, то другой из собеседников сетовал, что на церемонии нет большинства из его товарищей по гильдии, поскольку они, увы, заняты вдали от Города и не смогли приехать.

Во время этих разговоров меня поразила неожиданная мысль. Не то чтобы она не посещала меня и раньше, но в сознании как-то не запечатлевалась. Мой отец и его коллеги-разведчики выглядели значительно старше остальных гильдиеров. Клаузевиц отличался крепким сложением и в своем плаще смотрелся очень внушительно, но поредевшие волосы и морщины выдавали преклонный возраст – по самой скромной оценке, ему было не меньше двух с половиной тысяч миль. Да и мой отец сегодня, когда я увидел его в обществе ровесников, показался мне совершенным стариком. Человеком того же поколения, что и Клаузевиц, хотя логика не допускала этого. Ведь в таком случае ему, когда я родился, должно было исполниться примерно тысяча восемьсот пятьдесят миль, – а я уже усвоил, что по обычаям Города детей надлежит заводить не откладывая, сразу по достижении возраста зрелости.

Представители других гильдий выглядели много моложе. Некоторые были, по-видимому, лишь на десять-пятнадцать миль старше меня, и это, признаться, меня обнадежило: теперь, когда я вступил в мир взрослых, я хотел разделаться с ученичеством при первой же удобной возможности. Подразумевалось, что продолжительность ученичества твердо не установлена, и если Брух сказал правду и положение человека в Городе действительно зависит от его дарований, то стоит проявить рвение – и я стану полноправным гильдиером за недолгий срок.

Однако среди присутствующих не было человека, которого я хотел бы увидеть больше всего. Джейза в зале не оказалось.

Разговорившись с одним из гильдиеров-движенцев, я рискнул спросить про него.

– Джелмен Джейз? – переспросил гильдиер. – Думаю, что его нет в Городе.

– Неужели он не мог вернуться ради меня! – воскликнул я. – В яслях мы жили в одной каюте…

– Джейза не будет на протяжении многих миль.

– Где же он?..

Гильдиер лишь улыбнулся в ответ, и это меня порядком разозлило: теперь-то, когда я принес клятву, они, кажется, могли бы мне сказать!..

Однако чуть позже я заметил, что в зале вообще не было учеников, кроме меня. Выходит, их всех нет в Городе? Если так, то и я, вероятно, скоро смогу покинуть его пределы…

Поговорив с гильдиерами еще две-три минуты, Клаузевиц призвал к общему вниманию.

– Предлагаю вернуть администраторов, – объявил он. – Возражений нет?

Гильдиеры откликнулись на предложение одобрительным гулом.

– А если так, – продолжал Клаузевиц, – то разрешите напомнить вновь принятому ученику, что это первый из множества будущих случаев, когда он связан условиями принесенной клятвы…

Клаузевиц спустился с помоста, и двое или трое из гильдиеров распахнули двери. Администраторы начали не спеша возвращаться в зал. Атмосфера существенно потеплела. Как только зал наполнился, я вновь услышал смех и тут же заметил, что поодаль накрывают на стол. Никто из администраторов, видимо, и не думал роптать по поводу того, что их безоговорочно выдворили с церемонии. По-видимому, их выдворяли достаточно часто, и сами они считали это в порядке вещей, но я поневоле задумался: догадываются ли они о происшедшем в зале и в какой мере? Когда что-то во всеуслышание объявляют доступным немногим избранным, остальных тем самым толкают на всяческие догадки. И никакие установления не могут быть столь незыблемыми, чтобы простое удаление непосвященных из зала удержало их в неведении о том, что произошло. Насколько я мог судить, часовых у дверей не ставили – и если кто-

нибудь дерзнул бы подслушивать в момент, когда я произносил клятву, что могло бы ему помешать?..

К счастью, времени на размышления у меня уже почти не было: оживление в зале нарастало с каждой минутой. Люди собирались группами и дружески беседовали, и шум все густел по мере того, как длинный стол заполнялся тарелками с едой и множеством разнообразных напитков. Отец водил меня от одной группы к другой, и я перезнакомился с такой бездной народу, что окончательно потерял способность воспринимать новые титулы и имена.

– А что, родителям Виктории меня разве не представят? – поинтересовался я, увидев мостостроителя Леру, который отошел в сторону с женщиной-администратором, наверное, своей женой.

– Нет, нет… это позже.

Отец повел меня дальше, и я опять жал руки новым и новым знакомым.

Но где же Виктория? Теперь, когда с церемонией приобщения к гильдии покончено, пора бы и объявить о нашей помолвке. Да и я, пожалуй, был не прочь повидать невесту. Отчасти из любопытства, а более всего потому, что появился бы хоть кто-то, кого я знал и раньше. Я чувствовал себя подавленным: все вокруг превосходили меня и возрастом и опытом, а с Викторией мы все же были ровесники. Она тоже едва вышла из яслей, знала тех же людей, что и я, прожила на свете столько же, сколько и я. И в этом зале, полном гильдиеров, она стала бы для меня приятным напоминанием о том, что навсегда позади. Я сделал сегодня такой гигантский шаг к зрелости, что для одного дня его, мне казалось, вполне достаточно.

А время шло. Я не ел с тех самых пор, как Брух разбудил меня, и при виде пищи понял, что чертовски голоден. Но и эта куда более соблазнительная часть программы не сумела приковать мое внимание. На меня свалилось слишком много впечатлений сразу. Еще полчаса, не меньше, я тупо следовал за отцом, разговаривал без особой охоты со всяким, к кому меня подводили, но чего я на самом деле жаждал – так это хоть минутку побыть наедине с собой и попытаться как-то осмыслить все пережитое.

Но наконец отец оставил меня с группой администраторов службы синтеза (эта служба, как выяснилось, отвечает за производство всевозможной синтетической пищи и органических материалов, необходимых Городу) и направился туда, где находился Леру. Я заметил, как они перебросились двумя-тремя фразами и Леру кивнул.

Спустя мгновение отец вернулся и отозвал меня.

– Подожди здесь, Гельвард, – распорядился он. – Я намерен объявить о твоей помолвке. Когда введут Викторию, подойдешь ко мне снова.

Отец быстро подошел к Клаузевицу и что-то сказал ему. Навигатор вновь уселся в кресло на помосте.

– Гильдиеры и администраторы! – возвестил Клаузевиц, перекрывая гул голосов. – У нас сегодня есть еще один повод для торжества. Предстоит помолвка нового ученика с дочерью мостостроителя Леру. Разведчик будущего Манн, не угодно ли вам взять слово?

Отец прошел вперед и остановился перед помостом. Торопясь и сбиваясь, он произнес посвященную мне короткую речь. Словно не хватало всего того, что уже случилось сегодня, – эта речь еще более усугубила мое замешательство. Мы с отцом никогда не чувствовали себя свободно друг с другом и никогда не были так близки, как следовало из его слов. Мне хотелось как-то сдержать его, хотелось выйти из зала, пока он не кончит превозносить меня, но я понимал, что по-прежнему нахожусь в центре внимания. Неужели гильдиеры не отдавали себе отчета в том, что гасят во мне восторженность и ощущение торжества?

К большой моей радости, отец, кое-как закончив речь, задержался возле помоста. На другом конце зала Леру объявил, что хотел бы представить присутствующим свою дочь. Открылась дверь, и в зале в сопровождении матери появилась Виктория.

Как и наказывал отец, я подошел к нему и встал рядом. Он пожал мне руку. Леру поцеловал Викторию. Отец в свою очередь чмокнул ее в щечку и подарил колечко. Пришлось выслушать еще одну речь. В конце концов мне все-таки дозволили приблизиться к невесте. Но поговорить у нас не было ни малейшей возможности.

Празднество шло своим чередом.

2

Мне вручили ключ от яслей, сказав, что я вправе пользоваться своей прежней каютой до тех пор, пока мне не подберут жилище в квартале гильдиеров, и вновь напомнили о принесенной клятве. Я немедленно отправился спать.

Разбудил меня затемно один из гильдиеров, встреченных накануне. Звали его разведчик Дентон. Он подождал, пока я облачусь в новенькую форму ученика гильдии, и вывел меня из яслей. Но пошли мы не тем путем, что накануне, а стали карабкаться по лестницам все выше и выше. В Городе было тихо. По дороге я бросил взгляд на стенные часы и убедился, что еще чудовищно рано – чуть больше половины четвертого утра. Коридоры казались вымершими, плафоны на потолке были притушены.

Наконец мы добрались до последней винтовой лестницы, которая упиралась в массивную стальную дверь. Разведчик Дентон вытащил из кармана фонарь и включил его. Дверь была заперта на два замка; отомкнув их, гильдиер жестом приказал мне идти вперед.

Меня охватил холод и мрак, холод такой пронзительный, а мрак такой густой, что я ощутил их как мучительный удар. Дентон закрыл дверь за собой и снова запер ее. Потом посветил фонарем вокруг, и я увидел, что стою на небольшом уступе, окруженном перильцами фута в три высотой. Шаг, другой – и мы подошли к перильцам вплотную. Дентон выключил фонарь, и нас окутала кромешная тьма.

– Где мы? – прошептал я.

– Молчите. Просто ждите… и смотрите в оба.

Но я при всем желании не видел ровным счетом ничего. Глаза, привыкшие к относительно яркому свету коридоров, играли со мной злые шутки, то и дело выискивая во тьме какие-то движущиеся цветные признаки, – но это скоро прошло. Главной моей заботой стал не мрак, а стылый воздух, обвевающий тело,

вымораживающий его до дрожи. Сталь перилец у меня под пальцами казалась мне ледяной сосулькой, и я принялся водить руками туда-сюда, пытаясь хоть немного ослабить неприятное ощущение. Надо было просто выпустить перильца, но я не мог этого сделать. В этой могильной тьме они оставались единственным, что связывало меня с реальностью. Никогда еще я не был так отрезан от прошлого, никогда еще не сталкивался с такой полной, всеобъемлющей неизвестностью. Тело помимо воли напряглось, будто в ожидании внезапного толчка или удара, но так и не дождалось ни того, ни другого. Вокруг были только холод и мрак – и ошеломляющая тишина, если не замечать свиста ветра в ушах.

По мере того как текли минуты и глаза начинали привыкать к темноте, я обнаружил, что могу выделить из нее какие-то смутные образы. Я различил разведчика Дентона, застывшего рядом, – высокую фигуру в плаще. А под уступом, на котором мы стояли, я улавливал исполинскую, неправильной формы громаду, черневшую на фоне почти полного мрака.

А вокруг по-прежнему лежала непроглядная тьма. И у меня все еще не было никаких ориентиров, которые позволили бы дорисовать в уме какие-нибудь формы или контуры. Это пугало, нет, скорее потрясало до оторопи – я ведь не чувствовал прямой физической угрозы. Подчас мне, бывало, снилось что-то подобное, и, очнувшись, я долго еще ощущал воздействие полученных во сне впечатлений. Теперь это был не сон – невозможно мысленно ощутить такой режущий холод, не может пригрезиться такая пугающая ясность новых представлений о пространстве и времени. Я знал одно: это мой первый выход за пределы Города – что же еще это может быть? – и это решительно не походит на любые догадки, какие я когда-либо строил.

Едва в сознании упрочилась эта мысль, как холод, мрак и отсутствие ориентиров потеряли всякое значение. Я попал наружу – свершилось то, чего я так долго ждал!

Дентону больше не было нужды призывать меня к молчанию: я и так не мог ничего вымолвить, а попытайся – слова застряли бы в глотке или затерялись на ветру. Все, что мне оставалось, – смотреть, смотреть во все глаза и не видеть ничего, кроме глубокой таинственной чаши земли под облачным саваном ночи.

И тут новое открытие потрясло меня: я почувствовал запах грунта! Он не походил ни на один из запахов, какие мне случалось вдыхать в Городе, и мозг

незамедлительно вызвал к жизни чуждый мне образ тучной бурой почвы, повлажневшей в ночи. В моем распоряжении не было способов распознать этот запах – может, с почвой он и не имел ничего общего, – но образ богатой, плодородной земли я вынес из учебника, прочитанного еще в яслях. Довольно было представить себе ее, и владевшая мной лихорадка еще усилилась, я словно чуял очищающее дыхание диких, неисследованных просторов за Городом. Мне предстояло столько увидеть, столько сделать… и даже не в этом суть – здесь, на краю уступа, я на несколько бесценных секунд задержал свое будущее во власти собственной фантазии. По правде сказать, я и не нуждался в зрении: один-единственный бесконечно важный шаг из городских теснин – и мое воображение разыгралось до пределов, на какие и посягнуть не смели читанные мною авторы…

Мало-помалу окружающий мрак словно бы таял, пока небо над головой не приобрело темно-серый оттенок. Вдалеке я различил линию, где облака встречаются с горизонтом, и почти сразу же заметил, как на кромке одного из облачков выступила бледно-розовая кайма. И словно подстегнутое светом, это облачко, а вслед за ним и все остальные медленно двинулись над нами – казалось, ветер уносит их от подступающей зари. По небу разливался румянец, на мгновение догонял уплывающие облака, а позади них открывалась широкая полоса прозрачности, которая и сама постепенно окрашивалась в сочный оранжевый цвет. Все мое внимание без остатка было поглощено этим зрелищем, – прямо скажем, за всю свою жизнь я не видел ничего прекраснее. Оранжевая краска разливалась по небу все шире и одновременно светлела; облака, скользящие вдаль, еще были опалены красным, а там, где горизонт соприкасался с небом, зарождалось крепнущее с каждой минутой сияние.

Оранжевое сходило на нет. Куда быстрее, чем я мог бы себе представить, этот цвет растворялся в небе, а сияние разгоралось ярче и ярче. У горизонта небо налилось такой бледной ослепительной голубизной, что казалось белым. И, как бы вырастая из-за горизонта, в середине голубизны поднялось блистающее световое копье, чуть склоненное набок, будто шпиль заброшенной церкви. Копье вытягивалось, утолщалось, полнилось светом и спустя считаные секунды раскалилось так, что на него стало больно смотреть.

Разведчик Дентон вдруг схватил меня за руку.

– Глядите! – произнес он, указывая куда-то левее светового пятна.

Слева направо, медленно взмахивая крыльями, поле моего зрения пересекал строй птиц, развернутый изящным клином. Мгновение – и птицы долетели до вздымающейся в небо колонны света и на несколько секунд пропали из виду.

– Что это? – спросил я охрипшим от волнения голосом.

– Просто гуси…

Вот они снова стали видны, неторопливые вольные птицы и голубое небо за ними. А через минуту или около того строй исчез за поднимающимися поодаль холмами.

Я вновь взглянул на восходящее солнце. За тот короткий срок, что я провожал глазами птиц, оно преобразилось. Из-за горизонта появилась главная его часть и повисла над миром, длинная, блюдцеобразная, с выпирающими вверх и вниз перпендикулярными остриями, раскаленными добела. Я почувствовал, как в лицо пахнуло теплом. Да и ветер утих.

Я стоял с Дентоном на узком уступе, глядя вниз на землю. Я видел Город, вернее, ту его сторону, которая примыкала к уступу, и видел последние облака, удирающие от солнца за горизонт. Теперь солнце светило на нас с чистого неба, и Дентон снял с себя плащ.

Потом он кивнул мне и жестом показал, что нам предстоит спуститься с уступа по начинающейся прямо у наших ног цепочке металлических лесенок. Гильдиер показывал путь, я двигался следом. Когда я одолел всю цепочку и впервые ступил на настоящую почву, птицы, свившие себе гнезда в расщелинах под крышами Города, завели свою утреннюю песнь.

3

Дентон повел меня вокруг Города, но, едва мы торопливо обошли его один раз, разведчик направился к кучке каких-то временных хижин, возведенных ярдах в пятистах от городских стен. Здесь Дентон представил меня гильдиеру-путейцу по фамилии Мальчускин, а сам поспешил обратно.

Путеец, коренастый и весь заросший волосами, имел заспанный вид. Впрочем, он, кажется, не рассердился на нас за вторжение и обошелся со мной довольно учтиво.

– Ученик гильдии разведчиков, как я погляжу?

Я кивнул.

– Только что из Города – и прямо к вам.

– Впервые попал наружу?

– Так точно.

– Завтракал?

– Нет… Разведчик поднял меня с постели, и мы сразу пошли сюда.

– Заходи… Я хоть кофе сварю.

Внутри хижина-времянка оказалась неопрятной и захламленной – полная противоположность тому, что я привык видеть в Городе. Там чистоте и порядку придавали первостепенное значение – а в хижине Мальчускина объедки, грязная одежда, немытые кастрюли и сковородки валялись где и как попало. В углу кучей лежали железные инструменты и приспособления, а на койке, приткнувшейся к стене, громоздился ком смятого белья. И надо всем этим висел запах несвежей пищи.

Мальчускин налил в котелок воды и поставил его на плитку. Отыскал где-то под барахлом две кружки, ополоснул их в бочке, стряхнул капли прямо на пол. Потом засыпал в кофейник синтетический кофе и, как только вода на плитке запузырилась, залил его кипятком.

В комнате нашелся всего один стул. Мальчускин снял со стола какие-то увесистые стальные штуковины и перебросил их на койку. Усевшись на стол, он знаком показал, чтобы я забирал стул себе. Минуту-другую мы сидели молча, прихлебывая кофе. Кофе был в точности такой же, как варят в Городе, и все-

таки казался иным.

– Не больно-то много учеников принимал я за последнее время.

– Почему же? – осведомился я.

– Кто его разберет. Не присылают. Тебя как зовут?

– Гельвард Манн. Мой отец…

– Угу, я его знаю. Толковый человек. Мы с ним вместе воспитывались в яслях.

Я поневоле нахмурился. Выходит, он ровесник отца – но такого конечно же быть не может. Мальчускин заметил мое недоумение.

– Пусть это тебя пока не беспокоит, – произнес он. – Со временем поймешь. Выяснишь на своем горбу, потом и кровью – других методов обучения эта чертова система гильдий не признает. Странная у вас, разведчиков, жизнь. Она не по мне, но ты, по-моему, выдюжишь…

– А почему вы не захотели стать разведчиком?

– Кто тебе сказал, что не захотел? Просто мне выпала другая доля. Мой отец был путейцем. Опять система гильдий. Но если ты твердо решил добиться своего, тебя послали по верному адресу. Руками-то хоть работать умеешь?

– Не-ет, – протянул я.

Он расхохотался.

– Не встречал еще ученика, который умел бы. Ничего, привыкнешь. – Он поднялся на ноги. – Пора начинать. Рановато, конечно, но раз уж ты вытащил меня из постели, что толку тянуть резину? У меня тут и так лентяй на лентяе…

С этими словами он вышел из хижины. Торопясь и обжигая язык, я допил кофе и рванулся за ним. Он шагал в сторону двух построек барачного типа. Я догнал

его.

Выходя из хижины, он прихватил с собой тяжелый гаечный ключ и теперь принялся что есть мочи колотить ключом по дверям бараков, крича тем, кто был внутри, чтоб пошевеливались. По отметинам на косяке я понял, что колотить по дверям чем-нибудь железным у него вошло в привычку.

В бараках послышалась возня.

Мальчускин вернулся к своей хижине и принялся разбирать инструменты.

– Не вздумай слишком якшаться с этими, – предупредил он меня. – Они не из Города. Бригадиром у них я назначил малого по имени Рафаэль. Он слегка кумекает по-английски и может быть переводчиком. Если тебе что-то от них понадобится, скажи ему. А лучше обратись ко мне. Вообще-то непохоже, чтобы они затеяли беспорядки, но если вдруг – тогда тоже меня зови. Договорились?

– Какие еще беспорядки?

– Ну, например, вдруг они не захотят делать то, что им велели я или ты. Им платят, чтобы они беспрекословно выполняли все, что нам надо. Бывает, что они отказываются, – это и есть беспорядки. Но с нынешними беда одна – они просто до одури ленивы. Потому-то мы и поднимаемся так рано. Позже, когда станет припекать, от них и вовсе ничего не добьешься.

Уже и сейчас становилось тепло. За те полчаса, что я провел с Мальчускиным, солнце взобралось высоко в небо, и глаза у меня начали слезиться. Они не привыкли к такому яркому свету. Я попытался разглядеть солнце, как на рассвете, но смотреть на него, не смежая век, было решительно невозможно.

– Ну-ка, забирай…

Мальчускин передал мне целую охапку стальных ключей, и я пошатнулся под их тяжестью, выронив два или три наземь. Он молча следил за мной, видимо, пораженный моей неловкостью.

– Куда нести? – спросил я.

– К Городу, разумеется. Вас там что, совсем ничему не учат?

Я поплелся в направлении Города. Мальчускин наблюдал за мной с порога хижины.

– На южную сторону! – крикнул он вдогонку. Я остановился, беспомощно оглядываясь. Пришлось ему подойти ко мне. – Вон туда, – показал он. – На юг от Города тоже лежат пути. Дошло, наконец?

– Дошло.

Я побрел, куда приказали, выронив по дороге еще один, всего-навсего один ключ.

Через час-полтора я начал понемногу понимать, что имел в виду Мальчускин, когда говорил о рабочих. Они останавливались под любым предлогом, и только окрик Мальчускина или сердитые понукания Рафаэля способны были стронуть их с места.

– Кто они? – спросил я, когда мы сделали перерыв на пятнадцать минут.

– Местные.

– Неужели нельзя было нанять других?

– Да они все одинаковы.

До какой-то степени я им даже сочувствовал. Работать на открытой местности, где не сыскать и пятнышка тени, оказалось мучительно трудно. И хоть я то и дело приказывал себе не раскисать, физическое напряжение было куда большим, чем я мог вынести. И уж наверняка – самым непосильным из всего, что мне доводилось испытывать до сих пор.

К югу от Города пути тянулись примерно на полмили и обрывались, не приводя никуда. Всего путей было четыре, каждый состоял из двух рельсов, положенных на деревянные шпалы, которые в свою очередь опирались на утопленные в грунт бетонные основания. Два пути стараниями Мальчускина и его бригады уже

существенно укоротились, и теперь мы трудились на самом длинном из оставшихся – на так называемом правом внешнем пути. Мальчускин пояснил мне, что если встать к Городу лицом, пути различаются соответственно как два левых и два правых, внутренний и внешний в каждой паре.

Думать было, по существу, не о чем. Надо было только работать и работать, монотонно и тяжело. Сначала вытащить костыли, крепящие рельс к шпалам, и сложить их в сторонку. Затем таким же образом освободить другой рельс. Потом мы принимались за шпалы – они крепились к бетонным основаниям скобами, каждую из которых надо было расшатать и вынуть вручную. Каждую шпалу, отделенную от основания, надлежало уложить на тележку, поджидавшую на следующем отрезке рельсов. Затем наступал черед самих оснований – они, как я понял, были отлиты заранее и предназначены для многократного использования, и теперь мы выкапывали их из земли и также поднимали на тележку. И наконец, два стальных рельса аккуратно укладывались на особую стойку, приделанную к тележке сбоку.

Затем Мальчускин или я перегоняли тележку на соседний участок рельсов, и все повторялось сызнова. Нагрузив тележку доверху, вся бригада карабкалась на нее и переезжала под стены Города, где тележку ставили на тормоза, чтобы перезарядить батареи, подсоединяя кабель к розетке, укрепленной специально для этой цели на городской стене.

На то, чтобы загрузить тележку и подогнать ее к Городу, у нас ушло почти целое утро. Руки у меня саднило так, словно их выдернули из плеч, спина отчаянно ныла. С головы до ног я был покрыт липкой грязью и потом. Мальчускин, который и сам работал не меньше других – да нет, наверняка усерднее наемных помощников, – глянул на меня и усмехнулся:

– Ну вот, сейчас разгрузимся и начнем сначала.

Я посмотрел на рабочих. Они выглядели не лучше моего, хоть я, вероятно, выдохся больше; ведь для меня все это было внове, и я не успел еще научиться тратить силы рационально. Почти вся наша бригада лежала навзничь в скудной тени под стеной.

– Ладно, – откликнулся я.

– Да нет, я пошутил. Уж не думаешь ли ты, что эта банда способна на что-нибудь, пока не набьет себе животы?

– Нет, не думаю.

– И правильно. Тогда обед.

Он сказал что-то Рафаэлю и зашагал назад к своей хижине. Я поплелся за ним, и мы вместе пообедали подогретой синтетической пищей – ничего другого он предложить не мог.

Вторая половина дня началась с разгрузки. Шпалы, бетонные подушки и рельсы перетащили на другую повозку, также работавшую от батарей, но поставленную на большие надувные колеса. Покончив с этим, мы отогнали свою тележку назад к концу пути и в том же порядке принялись за дело сызнова. День был жаркий, люди двигались медленно. Даже Мальчускин как-то приутих и, как только тележка была заполнена вторично, объявил, что пора закругляться.

– Хорошо бы, конечно, сделать сегодня еще и третий рейс, – произнес он, основательно отхлебнув из бутылки с водой.

– Я готов, – откликнулся я.

– Допустим. Хочешь проделать все от начала до конца в одиночку?

– Согласен, – ответил я, не желая признаться в том, что совершенно измотан.

– Ты и так завтра будешь неработоспособен. Нет, разгрузим эту тележку, отведем ее назад – и шабаш.

На поверку программа оказалась изложена не совсем точно. Отогнав тележку на юг, Мальчускин приказал бригаде закидать последний отрезок пути слоем песка и грязи. Слой этот надлежало сделать как можно толще и вытянуть вдоль пути ярдов на двадцать.

Я поинтересовался, зачем он нужен.

Вместо ответа Мальчускин показал на один из соседних путей, левый внутренний. В конце его поднимался массивный бетонный буфер, надежно вкопанный в почву.

– Ты что, предпочел бы взамен возводить такую штуку?

– А что это?

– Амортизатор. Вдруг канаты лопнут все разом, и Город покатится по рельсам назад. В общем-то, амортизаторы вряд ли остановят его, но лучше никто не придумал.

– А что, было уже так, чтобы Город покатился назад?

– Однажды было.

Мальчускин предложил мне выбор – вернуться в Город, к себе в каюту, или переночевать у него в хижине. По его тону я понял, что выбора у меня, в сущности, нет. Было очевидно, что путеец придерживается невысокого мнения о тех, кто живет под защитой городских стен, и сам он, по собственным словам, старался бывать в Городе как можно реже.

– Там слишком уютно, – заявил он. – Половина народу в Городе и знать не знает, что творится снаружи, и не думаю, чтобы им очень-то хотелось об этом узнать.

– А зачем им знать? В конце концов, если у нас все идет гладко, это просто не их забота.

– И то верно. Но если бы городские людишки почаще высовывались наружу, мне бы, может, не приходилось возиться с этими местными бестиями.

В расположенных неподалеку от нашей хижины спальных бараках наемные рабочие шумно судачили о чем-то, иногда принимались петь.

– Вы не хотите иметь с ними ничего общего?

– Я использую их, и только. А остальное – дело меновщиков. Если рабочие совсем никуда не годятся, я их увольняю и требую, чтобы наняли новых. Это не сложно. Работы в здешних краях днем с огнем не сыщешь.

– Что значит – в здешних краях?

– А про это ты уж спрашивай не меня, а своего отца и его гильдию. Я годен только на то, чтобы выкапывать старые шпалы.

Я чувствовал, что в действительности Мальчускин не так уж отчужден от Города, как хочет показать. Да, несомненно, его относительно независимое существование внушало ему известное презрение к тем, кто заперт в четырех стенах, – и в то же время, насколько я мог судить, его никто не обязывал торчать здесь, в хижине, дни и ночи напролет. Конечно, бригада была с ленцой, да и пошуметь любила, однако в общем и целом вела себя вполне пристойно. В нерабочее время Мальчускин и не пытался присматривать за подчиненными, так что спокойно мог бы жить в Городе, если бы только захотел.

– Это ведь твой первый день снаружи? – внезапно спросил он.

– Так точно.

– Хочешь посмотреть на закат?

– Не-ет… а зачем?

– Обычно все ученики смотрят.

– Ладно.

Нехотя, словно для того, чтобы угодить старшему, я выбрался из хижины и бросил взгляд мимо громады Города на северо-восток. Мальчускин подошел ко мне и встал рядом.

Солнце клонилось к горизонту, и я уже ощущал, как спины коснулся прохладный ветерок. Облака предыдущей ночи не возвращались, небо было чистым и синим.

Я следил за солнцем, не отрываясь, – теперь, когда его лучи рассеивались в толще атмосферы, на него опять можно было смотреть, не раня глаз. Оно имело форму сплющенного оранжевого диска, как бы наклоненного к нам. Сверху и снизу из него вырастали мощные колонны света. И на наших глазах оно медленно утонуло за горизонтом – последним исчезло верхнее острие светового копья.

– Если ночуешь в Городе, этого не увидишь, – заметил Мальчускин.

– Очень красиво, – согласился я.

– Видел утром восход?

– Угу.

– Они всегда так, – кивнул Мальчускин. – Едва посвятят ребенка в гильдию – и сразу швырнут его в воду, на самую глубину. И никаких объяснений, так? Выведут наружу, в темень, и ждут, пока не взойдет солнце.

– Но зачем, зачем им это надо?

– Так установлено системой. Считается, что это кратчайший способ заставить ученика понять, что солнце на самом деле не такое, как учат в яслях.

– При чем тут солнце?

– Какое оно по учебнику?

– Круглое.

– Значит, так учат и по сей день. Ну, а теперь ты убедился, что оно другое. Понял, что это значит?

– Нет.

– Ну так думай. Пойдем поужинаем.

Мы вернулись в хижину, и Мальчускин велел мне подогреть еду, пока он навинтит раму для второй койки над той, которую занимает сам. Выкопав из шкафа еще один ком белья и одеяло, он швырнул их на матрас.

– Будешь спать здесь. – Он показал на верхнюю койку. – Ворочаешься по ночам?

– Кажется, нет.

– Попробуем сегодня так. Если выяснится, что ты юла, поменяемся местами. Не люблю, когда меня беспокоят во сне.

Думаю, оснований тревожиться за свой покой у него сегодня не было. Я так устал, что мог бы уснуть на голой скале. Мы разделили безвкусный ужин, а потом Мальчускин принялся толковать о том, как организована работа путейцев. Я не без труда делал вид, что слушаю его, и спустя несколько минут водворился на койке. Послушал еще чуть-чуть – и тут же заснул.

4

Проснулся я утром оттого, что Мальчускин бродил по хижине, гремя оставшейся после ужина посудой. Едва очнувшись, я попытался спрыгнуть с постели – и тут же рухнул обратно, сраженный острой болью в спине. Я охнул. Мальчускин поднял глаза и спросил с усмешкой:

– Что, несладко?

Я перекатился на бок и попытался подтянуть колени. Ноги тоже одеревенели и ныли, однако я все же, хоть и с немалым трудом, ухитрился сесть. Какое-то время я сидел не шевелясь – во мне еще теплилась надежда, что это просто судорога и что боль скоро пройдет.

– Всегда с вами, городскими детками, одно и то же, – заметил Мальчускин беззлобно. – Являетесь сюда и набрасываетесь на работу, чтобы выслужиться передо мной. А на следующий день ни рукой, ни ногой шевельнуть не можете. Ты хоть какие-нибудь физические упражнения в Городе делал?

– Делал… В гимнастическом зале.

– Ну, ладно. Спускайся вниз и позавтракай. А после завтрака топай-ка лучше в Город. Прими горячую ванну и постарайся найти кого-нибудь, кто сделал бы тебе массаж. Потом возвращайся ко мне.

Преисполненный благодарности, я кивнул и кое-как сполз с койки на пол. Это оказалось ничуть не легче и не менее болезненно, чем любое другое движение. Как выяснилось, руки, шея и плечи у меня одеревенели точно так же, как и остальные части тела.

Полчаса спустя – Мальчускин как раз принялся орать на рабочих, чтоб пошевеливались, – я вышел из хижины и, прихрамывая, поплелся в сторону Города.

В сущности, с той самой минуты, как меня вывели из Города, я впервые оказался предоставленным самому себе. И, как водится, оставшись один, сразу замечаешь вокруг куда больше, чем в компании. Хижина Мальчускина отстояла от Города ярдов на пятьсот, и расстояние было подходящим, чтобы составить представление о его облике и размерах. Тем не менее за весь предыдущий день я лишь иногда успевал бросить в сторону Города мимолетный взгляд. Он оставался для меня бесформенной серой громадой, господствующей над окружающей местностью, – и только.

Теперь, ковыляя в одиночестве к этой громаде, я мог наконец-то разглядеть ее более подробно.

Из опыта, накопленного мной в стенах Города, я при всем желании не смог бы заключить, на что он похож снаружи, – да и, по правде сказать, не слишком-то и задумывался об этом. Само собой подразумевалось, что Город огромен, однако в действительности его размеры оказались, пожалуй, скромнее моих ожиданий. На северной стороне Города поднимались внушительные башни, которые достигали приблизительно двухсот футов в высоту, остальная же часть его представляла собой хаотичное нагромождение прямоугольников и кубов, то резко вздымающихся вверх, то совсем невысоких. Все эти прямоугольники и кубы, тускло-коричневые и серые, были сработаны, насколько я мог судить, из разных сортов древесины. Бетон, как и металл, здесь почти не применялся – и все наружные стены были некрашеными. В общем, снаружи облик Города резко отличался от того, к чему я привык внутри: там, по крайней мере в тех помещениях, какие мне доводилось видеть, все сверкало яркими красками и

чистотой. О ширине Города я судить не мог – хижина Мальчускина располагалась точно к западу от него, и я шел по прямой, – а в длину он протянулся, по моей оценке, примерно на полторы тысячи футов. Издали Город был на редкость безобразен и выглядел удивительно старым. Вокруг суетилось множество людей, особенно с северной стороны.

Когда я приблизился к Городу вплотную, меня вдруг обожгла мысль: а как я, собственно, туда попаду? Да, разведчик Дентон вчера утром провел меня вокруг Города, но я был настолько захвачен впечатлениями, что пропустил почти все его пояснения мимо ушей. Все выглядело тогда таким непривычным…

Единственное, что я четко помнил, – дверь на площадке, где мы наблюдали восход. Я решил найти ее; впрочем, и это оказалось отнюдь не легким делом.

Я обогнул Город с юга, переступая через пути, на которых трудился накануне, и двинулся вдоль западной стены: где-то здесь, как мне помнилось, была цепочка металлических лесенок, по которым мы с Дентоном спустились на землю. После долгих поисков я обнаружил нижнюю лесенку и принялся карабкаться вверх. Несколько раз я сбивался с дороги, мучительно ползал по подвесным мосткам и взбирался по узким ступенькам, пока не достиг цели. Только для того, чтобы убедиться, что дверь по-прежнему заперта.

Теперь, хочешь не хочешь, приходилось обращаться за помощью. Я сполз по ступенькам вниз и отправился на юг, туда, где Мальчускин со своей бригадой опять, как накануне, разбирали старые пути.

Удрученно, хотя и терпеливо, выслушав меня, Мальчускин передал бразды правления Рафаэлю и показал мне, что делать. Он повел меня по узкой дорожке меж двух внутренних путей прямо под нависшую над нами городскую стену. Под Городом было прохладно и темно.

Мы остановились у стального трапа.

– Наверху находится лифт, – сказал путеец. – Знаешь, что это такое?

– Знаю.

– Ключ гильдиера у тебя есть?

Я порылся в кармане и вытащил кусочек металла неправильной формы, который дал мне Клаузевиц. Ключ отпирал двери, связывающие ясли с внешним миром.

– Вот этот?

– Этот. На дверях лифта тот же замок. Поднимись на четвертый уровень, разыщи администратора и попроси разрешения принять ванну.

Чувствуя себя последним идиотом, я поступил, как мне велел Мальчускин. А тот громко хохотал, вышагивая обратно к дневному свету. Лифт я отыскал без труда, повернул ключ в замке, однако двери и не подумали открываться. Я ждал, не ведая, что предпринять. Внезапно двери открылись сами собой, и из лифта вышли два гильдиера. Не обратив на меня никакого внимания, они спустились по трапу на землю.

Тут двери снова пришли в движение – теперь они начали закрываться, и я бросился в кабину. Прежде чем мне удалось хотя бы сообразить, как управлять лифтом, он пошел вверх. На стенке возле дверей кабины располагался ряд кнопок с прорезями под ключ, на кнопках были выбиты цифры от одного до семи. Я воткнул свой ключ в кнопку под номером четыре, уповая, что не ошибся и что мне нужна именно она. Кабина шла вверх, казалось, целую вечность, затем резко остановилась. Двери раскрылись, я сделал шаг вперед и очутился на площадке, а мимо меня в кабину вошли сразу три гильдиера.

В этот момент мне на глаза попалась надпись на стене напротив лифта: «УРОВЕНЬ 7». Я забрался слишком высоко. И в ту самую секунду, когда двери готовы были захлопнуться, успел юркнуть обратно в кабину.

– Тебе куда надо, ученик? – спросил один из гильдиеров.

– На четвертый.

– Ладно, не суетись.

Он коснулся кнопки номер четыре своим собственным ключом, и на сей раз кабина остановилась на нужном уровне. Я пробормотал слова благодарности и наконец-то покинул кабину.

Несколько последних минут я так сосредоточенно боролся с лифтом, что подзабыл о своих телесных страданиях, но сейчас усталость и боль навалились на меня с новой силой. В этой части Города все казались занятыми важными делами: люди сновали по коридорам, я ловил обрывки разговоров, отворялись и захлопывались двери. И все это так отличалось от жизни за городскими стенами – покойный ландшафт навевал там какое-то небрежение временем; да, люди двигались, трудились и там, и все-таки обстановка была куда более праздной. Работа Мальчускина и его бригады преследовала очевидную конкретную цель, – но здесь, в самом сердце верхних уровней Города, доселе запретных для меня, все представлялось по-прежнему таинственным и непонятным.

Я припомнил наставления Мальчускина и, наудачу толкнув дверь, попал в комнату, где сидели две женщины. Когда я рассказал, что привело меня к ним, они посмеялись, но выразили готовность помочь.

Через десять минут я опустил свое измученное тело в ванну, полную горячей воды, и закрыл глаза.

На то, чтобы добраться до ванны, у меня ушло столько времени и усилий, что я сомневался, будет ли от нее хоть какой-то прок. Но когда я насухо растерся полотенцем и натянул на себя одежду, мышцы уже не были такими деревянными, как раньше. Я еще чувствовал следы онемения, если напрягал их, но в целом утомление, безжалостно терзавшее прежде каждую мою клеточку, куда-то пропало.

Неурочное возвращение в Город волей-неволей напомнило мне о Виктории. Мимолетное наше свидание на церемонии лишь подогрело мой интерес к ней. Да и перспектива немедленно отправиться назад к Мальчускину, чтобы вновь заняться выкорчевыванием старых шпал, не слишком привлекала; я сознавал, что не должен отсутствовать слишком долго, и все же решил вначале попытаться разыскать свою невесту.

Выйдя из ванной, я поспешил назад к лифту. Он был свободен, но пришлось вызывать его с другого уровня. Когда кабина прибыла, я смог познакомиться с ее устройством тщательнее, чем в прошлый раз, и решил поэкспериментировать.

Сперва я поднялся на седьмой уровень, но, пробежав по коридорам, не заметил никакой ощутимой разницы с уровнем, где только что побывал. То же самое относилось и к большинству других уровней, только на третьем, четвертом и пятом уровнях было больше людей и суеты. Первый уровень на поверку оказался темным туннелем, очевидно, подпирающим Город как таковой.

Прокатившись раз-другой вверх и вниз, я установил, что расстояние между первым и вторым уровнями поразительно велико, в то время как все другие уровни лежат почти рядом. В конце концов я вышел на втором уровне, инстинктивно предположив, что ясли должны помещаться именно здесь, а в случае ошибки я смогу продолжить поиски и пешком.

От площадки лифта на втором уровне короткий лестничный пролет вел вниз, к поперечному коридору. Я смутно припомнил, что проходил этим коридорчиком вместе с Брухом, направляясь на церемонию, и действительно, вскоре натолкнулся на входную дверь яслей.

Войдя внутрь, я запер дверь за собой ключом гильдиера. Все здесь было так знакомо. Лишь тут я осознал, что до этой секунды двигался чуть не крадучись и только теперь попал домой. Сбежав по ступенькам и миновав еще один коридорчик, я очутился в зоне, которую знал до мелочей. Все здесь выглядело иначе, чем в других частях Города, – даже запах, и то был другой. Я видел памятные ссадины на стенах, где поколения детей задолго до меня запечатлели свои имена, видел выцветшую коричневую краску, потертые настилы полов, незапирающиеся двери кают. В силу долгой привычки я направился прямиком к своей собственной каюте и заглянул в нее. После меня тут никто ничего не трогал. Кровать была застелена – каюта выглядела даже опрятнее, чем когда я спал тут изо дня в день, скудные мои пожитки оставались на своих местах. Точно так же нетронутыми лежали и вещи Джейза, хотя о нем самом по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Оглядевшись еще раз, я вернулся в коридор. Цель, заставившая меня зайти в каюту, была выполнена: у меня не было никакой цели. Я двинулся дальше, к классным комнатам, где нас учили наукам. Из-за закрытых дверей доносился невнятный гул голосов. Заглянув в круглый смотровой глазок, я увидел

школяров за партами. Всего три дня назад я сам сидел среди них. В одном из классов занимались мои бывшие однокашники; иным из них, несомненно, тоже суждено стать учениками верховных гильдий, но в большинстве своем они обречены исполнять в стенах Города административные обязанности. Меня так и подмывало войти и небрежно выслушать поток обращенных ко мне вопросов, храня в ответ таинственное молчание.

В яслях практиковалось совместное обучение, и в каждой комнате, куда я заглядывал через глазок, я прежде всего искал Викторию, но ее нигде не было. Проверив один за другим все классы, я отправился в так называемую общественную зону: в столовую (оттуда доносился приглушенный шум – там готовили обед), гимнастический зал (он был пуст) и, наконец, на крохотную открытую площадку, откуда виден был лишь кусочек синего неба над головой. Затем я попал в главный зал – единственное в яслях место, предназначенное для совместного отдыха и развлечений. В зале сидела группа мальчишек – с двумя из них я учился вместе всего три дня назад. Они болтали между собой – обычное дело, когда группу оставляют без наставника для самоподготовки, – но как только меня заметили, я сразу же оказался в центре внимания. В общем, я таки влип в то самое положение, какого только что сознательно избежал.

Они желали знать, в какую гильдию меня приняли, чем я занимаюсь, что видел. Что вообще происходит, когда достигнешь возраста зрелости? Что там, за стенами яслей?

Смешнее всего, что я не смог бы ответить на большинство их вопросов, даже если бы был вправе нарушить клятву. Да, в течение двух последних дней я кое-где побывал, кое-что повидал, но, по существу, так и не разобрался в том, что видел.

И я поневоле прибегнул – в точности как Джейз – к простейшему приему: скрыть то немногое, что успел узнать, за покровом напускной таинственности, а в крайнем случае отшутиться. Ребят это, естественно, разочаровало, и хотя их интерес ко мне не угас, вопросы вскоре иссякли.

При первой же возможности я покинул зал и сбежал из яслей: Виктория здесь, очевидно, тоже уже не жила.

Спустившись на лифте, я вновь очутился в темном пространстве под Городом и, идя меж путей, вышел на дневной свет. Мальчускин поторапливал свою нерадивую бригаду, разгружавшую тележку с рельсами и шпалами, и, по-моему, даже не заметил, что я вернулся.

5

Дни медленно сменяли друг друга, и больше мне бывать в Городе не случалось.

Я понял свою ошибку: едва попав к путейцам, я слишком рьяно набросился на работу. Теперь я решил следовать примеру Мальчускина и ограничивался в основном ролью надсмотрщика. Лишь иногда мы с ним включались в дело и помогали рабочим. Но и при этом труд был изнурительным, нескончаемо долгим, и я ощущал, как мое тело отзывается на новую нагрузку. Вскоре я почувствовал себя окрепшим, как никогда, кожа моя побагровела под лучами солнца, и физический труд перестал казаться мукой.

Единственное, что меня теперь по-настоящему огорчало, – это неизменная синтетическая пища и неспособность Мальчускина интересно рассказать о том, какую роль играет наш труд в обеспечении безопасности Города. День за днем мы ишачили до позднего вечера, наскоро ужинали и тут же засыпали.

Работа наша на путях к югу от Города была почти завершена. В задачу бригады входило снять все пути, а затем воздвигнуть на равном расстоянии от городских стен четыре буфера-амортизатора. Снятые рельсы и шпалы перевозили на север от Города и там укладывали опять.

Как-то вечером Мальчускин спросил меня:

– Сколько времени ты уже здесь пробыл?

– Точно не знаю.

– А если в днях?

– Ну тогда семь дней.

Он угадал: я действительно пытался вычислить время в милях.

– Через три дня тебе положен краткосрочный отпуск. Проведешь два дня в Городе, а потом вернешься ко мне на новую милю.

Я поинтересовался, как это он ухитряется измерять ход времени сразу и в днях и в милях.

– Чтобы пройти одну милю, Городу требуется около десяти дней, – ответил он. – За год мы проходим примерно тридцать шесть с половиной миль.

– Но Город неподвижен.

– Это он сейчас неподвижен. Скоро тронется. И имей в виду, мы ведем счет не фактически пройденному расстоянию, а тому, какое он должен был пройти. Это расстояние зависит от положения оптимума.

Я покачал головой.

– А это что за штука?

– Оптимум – это идеальное место для Города в каждый данный момент. Чтобы не отдаляться от оптимума, надо покрывать примерно одну десятую мили в день. Об этом, очевидно, не может быть и речи – мы просто пододвигаем Город к оптимуму, как только можем и насколько можем.

– И что, Город никогда не достигал оптимума?

– На моей памяти никогда.

– А где этот оптимум сейчас?

– Мили на три впереди. Три мили – расстояние довольно обычное. До меня на путях работал мой отец, и он мне рассказывал, что однажды оптимум обогнал их на десять миль. О большем отставании я никогда не слышал.

– А что будет, если мы когда-нибудь достигнем оптимума?

Мальчускин усмехнулся:

– Будем по-прежнему выкапывать старые шпалы.

– Почему?

– Потому что оптимум все время движется. Впрочем, мы вряд ли достигнем оптимума, да это и не так уж важно. Удержаться бы в пределах нескольких миль от него, и ладно. Могу сказать и по-другому: обгони мы хоть чуть-чуть оптимум, и мы позволили бы себе наконец хорошенько отдохнуть.

– А его можно обогнать?

– Наверное, да. Учти вот что. Сейчас мы находимся довольно высоко над уровнем моря. Чтобы забраться сюда, нам пришлось карабкаться вверх. Это было, когда здесь командовал мой отец. Взбираться вверх тяжелее, чем идти по равнине, на подъем уходит больше времени, вот мы и отстали от оптимума. Если местность начнет понижаться, мы сможем катиться под уклон.

– А есть шансы, что она начнет понижаться?

– Спроси об этом у своих коллег-разведчиков. Это их кусок хлеба, а не мой.

– А здесь вокруг вся местность такая же?

– Завтра я тебе покажу.

Из того, что говорил Мальчускин, я понял далеко не все, но по крайней мере одно мне стало ясно: как измеряется время. Мне было от роду шестьсот пятьдесят миль; это не значило, что Город продвинулся за мою жизнь на такое расстояние, но оптимум переместился ровно на шестьсот пятьдесят миль.

Однако что же все-таки это за штука – оптимум?

На следующий день Мальчускин сдержал свое обещание. Покуда наемные рабочие валялись в минуту очередного перерыва в глубокой тени у городских стен, Мальчускин вместе со мной поднялся на пологую возвышенность к западу от Города. Отсюда были хорошо видны почти все ближайшие окрестности.

В данный момент Город стоял в центре широкой котловины, замкнутой с севера и юга двумя довольно высокими грядами холмов. На юге я мог ясно разглядеть следы путей, которые мы только что снимали, – четыре параллельных шрама, оставленных в почве шпалами и их бетонными основаниями.

К северу от Города пути плавно взбегали на гребень холма. На путях и подле них почти никого не было – лишь какая-то тележка на батареях лениво ползла вверх по склону с грузом рельсов и шпал и с усевшейся на них бригадой рабочих. На гребне было, напротив, довольно многолюдно, но что там происходило, с такого расстояния понять было никак нельзя.

– Хорошая местность, – заметил Мальчускин. И тут же пояснил: – Для путейца, во всяком случае.

– Почему хорошая?

– Ровная. Ни холмы, ни долины не доставляют особых хлопот. Что выводит меня из себя, так это пересеченная местность: скалы, реки или даже леса. Вот одно из преимуществ того, что мы забрались высоко. Здесь вокруг очень старые скалы, силы природы давно сгладили их и растерли в порошок. Только не напоминай мне про реки. Само это слово приводит меня в ярость.

– Что плохого они вам сделали?

– Я сказал, не напоминай мне про них. – Он добродушно хлопнул меня по плечу, и мы двинулись к городу. – Реки надо пересекать. Значит, надо строить мост, если, конечно, там уже нет построенного моста, но что-то я таких уже построенных не припомню. Значит, надо ждать, пока мост будет готов. А за задержки, как правило, ругают нас, путейцев. Но такова жизнь. Сложность еще в том, что отношение к рекам у всех у нас двойственное. Городу постоянно не хватает воды, и если мы выходим к реке, проблема решается хотя бы на время. Но все равно приходится строить мост, и это заставляет всех и каждого нервничать.

Рабочие отнюдь не пришли в восторг, заметив, что мы возвращаемся, но Рафаэль все-таки сумел их поднять, и работа возобновилась. Все пути уже были сняты, и нам оставалось одно – соорудить последний амортизатор. Стальная рама, поднятая над рельсами и поперек них, покоилась на трех стандартных бетонных основаниях. Рамы эти устанавливались на каждом из четырех путей с тем расчетом, чтобы удержать Город, если он вдруг покатится назад. Поэтому они и располагались не на одной прямой, а уступом в соответствии с неправильной формой южной городской стены; Мальчускин уверял, что это дает достаточную гарантию безопасности.

– Не хотел бы я, чтобы они когда-нибудь пошли в ход, – заявил он, – но уж если Город покатится, они его удержат. Надеюсь, удержат…

С возведением последнего амортизатора наша миссия вроде бы была завершена.

– Что дальше? – поинтересовался я.

Мальчускин взглянул вверх, на солнце.

– Надо менять базу. Передвинуть хижину, да и бараки для рабочих за тот гребень. Хотя уже поздновато. Не уверен, что мы управимся до ночи.

– Можно отложить на завтра.

– Я тоже так думаю. Дам-ка я этим лентяям несколько свободных часов. Им это придется по вкусу.

Он сказал что-то Рафаэлю, а тот в свою очередь обратился к своим товарищам. И без перевода было ясно, как они восприняли новость. Рафаэль еще не договорил до конца, как несколько человек уже повернули к баракам.

– Куда это они?

– К себе в деревню, надо полагать, – ответил Мальчускин. – Она вон там. – Он показал на юго-запад, за гребень недальних холмов. – Так или иначе, они вернутся. Работать им, понятное дело, не очень хочется, но в деревне на них поднажмут: ведь мы взамен предлагаем то, в чем там сильно нуждаются.

– Что же именно?

– Блага цивилизации, – ответил он, цинично усмехнувшись. – Ту самую синтетическую пищу, которая вызывает у тебя такое отвращение.

– Им нравится эта бурда?

– Не больше, чем тебе. Но это все же лучше, чем пустой желудок, а до нашего появления здесь они в большинстве своем просто-напросто голодали.

– Все равно я не стал бы вкалывать с утра до ночи за такую баланду. Безвкусная, жидкая, да и…

– Сколько раз в день ты ел в Городе?

– Три.

– И все три раза тебе давали синтетическую пищу?

– Нет, только два, – признался я.

– Ну так вот, есть люди, и эти болваны из их числа, которые прозакладывают душу за то, чтобы поесть хотя бы раз в сутки. Насколько я знаю, работа, которую они выполняют для меня, – это еще пустяки, они согласны на что и похуже…

– Например?

– Со временем сам узнаешь.

Позже в тот же вечер, когда мы сидели в хижине, Мальчускин продолжил разговор на эту тему. Мне стало ясно, что он отнюдь не так плохо осведомлен, как пытался уверить. Разумеется, он, как всегда, винил во всем систему гильдий. Давным-давно было заведено, что традиции Города передаются от поколения к поколению непосредственно на практике. Считалось, что ученик постигает науку гильдиера куда прочнее, если правда жизни, лежащая в ее основе, будет усвоена не на теоретических занятиях, а на собственном опыте. Отсюда

следовало, что я должен сам, приноравливаясь и ошибаясь, выяснить для себя суть работы путейцев и других гильдиеров, как и всю совокупность остальных факторов, жизненно важных для дальнейшего существования Города.

– Когда я сам был учеником, – говорил Мальчускин, – я строил мосты и выкапывал старые шпалы. Я работал с движенцами и ездил в седле рядом с коллегами твоего отца. Я узнал на собственной шкуре, как нелегко Городу уцелеть, а потому хорошо понял, зачем нужен мой труд. Я снимаю пути и укладываю их заново не потому, что мне так уж нравится этот процесс, а потому, что глубоко сознаю его необходимость. Я путешествовал с меновщиками, видел, как они вербуют местное население, и теперь понимаю, какие беды гнетут тех, кто работает под моим началом. Во всем вокруг много неясного и загадочного – так, по крайней мере, кажется тебе сейчас. Но со временем ты сам убедишься, что каждый наш шаг направлен к тому, чтобы выжить, и что выжить очень и очень нелегко.

– Я вовсе не против того, чтобы работать с вами, – вставил я.

– Да я не о том. Я тоже вполне доволен твоей работой. Но заруби себе на носу: все, что, вероятно, приводит тебя в недоумение, – клятва, например, – имеет определенную цель, и, видит бог, это разумная цель!

– Значит, по-вашему, рабочие утром вернутся?

– Надо полагать, да. И снова будут плакаться по любому поводу и лодырничать, едва ты или я отвернемся, – но это тоже в порядке вещей. Иногда, впрочем, мне сдается…

Я долго ждал, чтобы он докончил фразу, но он так больше ничего и не сказал. Заявление было очень нетипичное: чем-чем, а склонностью к философствованию Мальчускин не страдал. Мы сидели с ним наедине; он замолчал, и молчание это тянулось до тех пор, пока я не встал и не вышел.

* * *

Утром Рафаэль вернулся, приведя с собой большинство из тех, кто работал с нами накануне. Немногих, кто не явился, заменили новички – число рабочих в

бригаде не изменилось. Мальчускин приветствовал их как ни в чем не бывало и без проволочек стал командовать разборкой временной хижины и бараков.

Прежде всего из времянок вынесли всю мебель и пожитки, сложив их кучей в стороне. Сама разборка оказалась не столь уж сложной: строения были рассчитаны на быстрый демонтаж. Стены скрепляли болтами, полы разбирались на отдельные щиты, крыши отвинчивались, двери и окна вынимались целиком, вместе с рамами. В общем, на то, чтобы разобрать хижину или барак, уходило не больше часа, и к полудню все было кончено. Еще в разгар работы Мальчускин куда-то отлучился и вскоре пригнал грузовичок – аккумуляторный электромобиль. Мы сделали короткий перерыв и поели, затем покидали в грузовичок столько панелей и досок, сколько он мог вместить, и Мальчускин повел его вверх к холмам на севере. Рафаэль и еще несколько человек поехали вместе с ним, прицепившись к бортам.

До холмов оказалось не так-то близко. Постепенно приближаясь к путям, Мальчускин поехал в гору вдоль линии. Гребень холма прорезала неглубокая выемка шириной как раз на четыре пары рельсов. Тут скопилось множество народу: одни расширяли выемку с обеих сторон кирками – по-видимому, чтобы громада Города прошла меж двух откосов, – другие возились с ручными бурами, высверливая лунки под опоры каких-то стальных рам с большими колесами посередине. Пока что удалось установить лишь одну из рам, и она торчала меж двух внутренних путей, вытянутая геометрическая конструкция непонятного назначения.

Ведя грузовичок сквозь выемку, Мальчускин замедлил ход и с интересом приглядывался ко всему, что творилось вокруг. Он помахал рукой какому-то гильдиеру, наблюдавшему за ходом работ, потом, перевалив гребень, вновь прибавил скорость. За гребнем открылся пологий склон к широкой долине. К западу и востоку от долины, да и на дальнем ее краю шли новые гряды холмов, более высоких, чем оставшаяся за спиной.

К моему удивлению, почти сразу за гребнем пути обрывались. Вернее, левый внешний путь тянулся вдаль примерно на милю, зато остальные три пути обрывались через сотню ярдов. Правда, две бригады рабочих укладывали рельсы дальше, но с первого взгляда было ясно, что дело пока движется медленно.

Мальчускин все осматривался по сторонам. Близ нашего, западного края путей стояла кучка хижин, по-видимому жилища путейцев, что прибыли сюда до нас. Грузовичок повернул в направлении хижин, проехал немного дальше и наконец притормозил.

– Так, пожалуй, ничего, – сказал Мальчускин. – К закату бараки должны быть собраны.

Я поинтересовался:

– А почему бы не поставить их рядом с другими?

– Предпочитаю избегать тесного соседства. Если разные бригады начнут общаться друг с другом, рабочие станут пить больше, а работать хуже. Они, конечно, все равно будут бегать друг к другу на досуге, но какой прок облегчать им это, поселив всех вместе?

– Разве они не имеют права делать, что хотят?

– Их наняли для работы. Для работы, понял?

И, выбравшись из кабины, он тут же принялся орать на Рафаэля, чтобы бригада приступила к сборке не мешкая.

Грузовичок вскоре был разгружен, и, оставив меня присматривать за сборкой, Мальчускин повел его назад за гребень, чтобы привезти остальных людей и материалы.

К закату сборка была почти завершена. Последнее, что мне поручили сделать за смену, – отогнать грузовичок к Городу и подсоединить его аккумуляторы к сети для перезарядки. Я сел за руль, очень довольный, что какое-то время проведу в одиночестве.

Когда я въехал на гребень, работы уже прервались, и подле странных колес на рамах остались только два стражника с арбалетами, перекинутыми через плечо. Они не удостоили меня вниманием, и, миновав их, я направил грузовичок вниз по склону к Городу. Признаться, я удивлялся тому, как мало вокруг огней и как с

приближением ночи мгновенно прекратилась вся разнообразная дневная деятельность.

Розетки для перезарядки аккумуляторов я нашел именно там, где говорил Мальчускин, но к каждой из них было уже подключено какое-нибудь транспортное устройство, свободных мест не оказалось. Тут только до меня дошло, что мой грузовичок вернулся в этот вечер последним и свободную розетку придется поискать. В конце концов я кое-как нашел ее на дальней, южной стороне Города.

Уже совсем стемнело, когда я кончил возиться с грузовичком, и только тут я сообразил, что мне предстоит долгий пеший путь назад, притом в одиночку. Велико было искушение, не возвращаясь, переночевать в Городе. Ведь до каюты в яслях я добрался бы мигом… Но тут я представил себе, какое выражение лица будет поутру у Мальчускина. Одолев сомнения, я обогнул Город, отыскал пути, ведущие на север, и зашагал обратно к холмам. Один на равнине ночью – ощущение оказалось не из приятных. Похолодало, с запада дул сильный ветер, который пронизывал мою тоненькую форму насквозь. Впереди, на тусклом фоне облачного неба, я различал темный кант холмов. В выемке, вычерченной на горизонте, виднелись четкие контуры рам с колесами, а подле них дозорной тропой по-прежнему вышагивали два стражника. Едва я приблизился, меня окликнули:

– Стой, ни с места! – Они и сами замерли, и хотя я не мог ничего разглядеть наверняка, инстинкт подсказывал мне, что арбалеты нацелились в мою сторону. – Кто таков?

– Ученик гильдиера Гельвард Манн.

– Что ты делаешь за чертой Города?

– Работаю с путейцем Мальчускиным. Совсем недавно я проезжал мимо вас на грузовике.

– Верно. Подойди сюда.

Я подошел.

– Что-то я не знаю тебя, – сказал один из стражников. – Ты что, только приступил?

– Да, с милю назад.

– В какую гильдию тебя приняли?

– В разведчики будущего.

Говоривший рассмеялся.

– Тебе не позавидуешь.

– Почему?

– Лучше жить подольше.

– Он достаточно молод, – заметил второй.

– О чем это вы? – удивился я.

– В будущем ты уже был?

– Нет.

– А в прошлом?

– Тоже нет. Я же принял клятву лишь несколько дней назад.

Тут меня осенило. Я не видел во тьме их лиц, но, судя по голосам, они не могли быть намного старше меня. Им, наверное, миль по семьсот или чуть больше. Но если так, я должен знать их, они же учились почти вместе со мной!

– Как тебя зовут? – обратился я к одному из них.

– Корнуэлл Стернер. Для тебя – арбалетчик Стернер.

– Ты учился в яслях?

– Учился. Но тебя не помню. Да ты тогда был совсем малышом.

– Я только что из яслей. Тебя там не было.

Они оба снова рассмеялись, и я почувствовал, как во мне нарастает гнев.

– Мы побывали в прошлом, сынок.

– Ну и что?

– А то, что мы теперь мужчины.

– Тебе пора в кроватку, сынок. Здесь по ночам опасно.

– Да никого же нет вокруг, – возразил я.

– Сейчас нет. Но пока слабачки из Города изволят баиньки, мы бережем их от мартышек.

– От кого-кого?

– От мартышек. Аборигенов. Короче, от местных подонков, которые прыгают из кустиков на юных ученичков.

Я двинулся было дальше. Я уже жалел, что не заночевал в Городе и что пошел этой дорогой. Однако любопытство оказалось сильнее, и я спросил:

– Нет, правда, что ты имеешь в виду?

– Тут живут мартышки, которым Город очень не по нутру. Не уследи мы за ними, и они повредят пути. Вон видишь шкивы? Они бы их давно опрокинули, если бы не мы.

– Но они же помогали их ставить!

– Это те, которых мы наняли. А есть и много других, которых мы не нанимали.

– Иди-ка ты спать, сынок. Предоставь мартышек нам.

– И вы вдвоем с ними справитесь?

– Да, мы вдвоем и еще дюжина других, что стоят по всему гребню. Торопись к себе в постельку, сынок, и позаботься, как бы не получить стрелу меж глаз.

Я отвернулся и пошел прочь. Гнев во мне кипел и рвался наружу, и, задержись я на минуту дольше, я того и гляди набросился бы на кого-нибудь из них с кулаками. Я ненавидел эту якобы взрослую покровительственную манеру разговора, но в то же время чувствовал, что и сам сумел поддеть их. Два молоденьких стрелка с арбалетами никак не могли устоять против нападения, и они сами прекрасно все понимали, но для их самолюбия важно было, чтобы я об этом не догадался.

Отойдя достаточно далеко, чтобы они не услышали, я бросился бежать, но тут же споткнулся о шпалу. Я отошел чуть подальше от полотна и снова побежал. Мальчускин поджидал меня в хижине, и мы разделили очередную трапезу из все той же синтетической пищи.

6

Еще два дня работы с Мальчускиным – и настала пора моего первого отпуска. В течение этих двух дней путеец пришпоривал свою бригаду пуще прежнего, и мы кое-чего добились. Вообще говоря, укладывать новые пути было тяжелее, чем выкапывать старые шпалы, однако было тут и свое преимущество – мы видели конкретные плоды своего труда, полотно день ото дня вытягивалось все дальше. Прежде чем уложить шпалы, а на них рельсы, приходилось еще и копать ямы под бетонные основания. Но к северу от Города работали сразу три путевые бригады, протяженность проложенных ими путей была примерно одинакова, и волей-неволей возникало соперничество: кто сделает больше. Не без удивления следил я за тем, как эти, казалось бы, подневольные люди

рвались обогнать друг друга и, напрягаясь до седьмого пота, еще и подтрунивали над теми, кто отставал.

– Два дня, – сказал Мальчускин перед тем, как отпустить меня в Город, – и ни минутой больше. Скоро начнется перемещение, на счету будет каждая пара рук.

– Через два дня я должен вернуться к вам?

– Это определит твоя гильдия… Впрочем, да, еще две мили ты проведешь со мной. Затем, на следующие три мили, тебя передадут в другую гильдию.

– А в какую именно?

– Не знаю. Это решат твои начальники.

В тот день мы закончили работу очень поздно, и я заночевал в хижине. Честно говоря, у меня была на то и еще одна причина: мне ничуть не улыбалось, проходя в сумерках через выемку, снова столкнуться со стражниками. В дневное время их почти не было видно, но Мальчускин рассказал, что ночные охранные патрули с каждым днем будут становиться все многочисленнее, а перед самым перемещением пути будут стеречь как зеницу ока.

Наутро я отправился вдоль путей вниз, в Город.

Теперь, когда я попал в Город на законном основании, разыскать Викторию оказалось несложно. В прошлый раз я не решился на активные поиски: ведь в глубине души я сознавал, что обязан как можно скорее вернуться к Мальчускину. Два долгих дня отпуска меняли дело – теперь уж никто не посмеет упрекнуть меня, что я уклоняюсь от своих обязанностей.

Впрочем, я все равно понятия не имел, как найти ее, и был вынужден унизиться до расспросов. Сперва я все время попадал не туда, но наконец меня направили в одну из комнат четвертого уровня, где Виктория и еще трое-четверо молодых людей корпели над чем-то под началом женщины-администратора. Заметив меня в дверях, Виктория шепнула ей несколько слов и подбежала ко мне. Мы вышли в коридор.

– Привет, Гельвард, – сказала она, затворяя за собой дверь.

– Привет… Но если ты занята, я могу зайти и попозже.

– Не беспокойся, все в порядке. Ты же в отпуске?

– Да.

– Тогда и я в отпуске. Пошли.

Она повела меня по коридору. Мы свернули в боковой проход, потом спустились по лесенке на пол-этажа и очутились в узком коридорчике, по обе стороны которого тянулись двери. Одну из этих дверей она и открыла, поманив меня за собой.

Комната, куда мы попали, оказалась самым большим жилым помещением, какое я до сих пор видел в Городе. В глаза прежде всего бросалась широкая кровать, но была здесь и другая мебель, добротная и удобная, и еще оставалось на удивление много свободного места. У одной из стен примостились раковина и маленькая плита, а кроме того, в комнате стояли стол с двумя стульями, платяной шкаф и еще два кресла. Больше всего поразило меня то, что в комнате было окно.

Я тут же устремился к нему и выглянул наружу. Окно выходило во дворик и на противоположную стену со множеством других окон. Дворик был неширок, окно невелико – и что находилось по сторонам, видно не было.

– Нравится? – спросила Виктория.

– Какая большая комната! Она, что, твоя?

– Отчасти. Наша, как только мы поженимся.

– Ах, да, кто-то уже говорил, что мне положено отдельное жилье.

– Наверное, это и имелось в виду, – сказала Виктория. – Сейчас-то ты где живешь?

– Все еще в яслях. Но, честно говоря, я там не ночевал с самой церемонии.

– Ты уже работаешь вне Города?

– Я… Меня…

Я запнулся, не находя ответа. Вне Города? В самом деле, что сказать ей – ведь я связан клятвой…

– Я знаю, что ты выходишь за стены Города. Это не такой уж секрет.

– А что еще ты знаешь?

– Кое-что знаю. Но об этом потом, мы с тобой, можно сказать, еще и не разговаривали! Заварить тебе чаю?

– Синтетического?

Я тут же пожалел о неосторожном слове: меньше всего мне хотелось показаться невежливым.

– Боюсь, что да. Но я вскоре начну работать в цехе синтеза, и, может быть, удастся придумать что-нибудь, чтобы он стал получше на вкус.

Напряжение понемногу спадало. Первые полтора, а то и два часа разговор шел практически ни о чем, не выходя за рамки взаимного вежливого любопытства, но мало-помалу становился все более естественным – все же мы с Викторией не были совершенно чужими друг другу.

В разговоре, разумеется, мы не могли не вернуться к нашей жизни в яслях, и тут я почувствовал, что в глубине души у меня просыпается новая тревога. Пока меня не вывели из Города, я и понятия не имел о том, что там увижу. Уроки в яслях казались мне – как и большинству – сухими, отвлеченными и оторванными от действительности. В нашем распоряжении было несколько печатных книг, главным образом о жизни людей на Планете Земля, а в основном учителя рекомендовали нам тексты собственного сочинения. Мы узнали – или думали,

что узнали, – многое о повседневных обычаях Планеты Земля, но нам сразу же разъяснили, что здесь, на этой планете, мы ничего подобного не встретим. Естественная детская любознательность немедля ставила вопрос, а что же мы встретим, но на сей счет учителя хранили гробовое молчание. И в наших знаниях образовался зияющий разрыв: с одной стороны, мы изучали по книгам жизнь в каком-то ином мире, отличном от нашего, с другой – напрягая воображение, строили догадки о жизни и обычаях Города.

Это противоречие рождало недовольство, подкрепленное избытком нерастраченной физической энергии. Но где, скажите на милость, было искать отдушину? Лишь коридоры да гимнастический зал позволяли нам как-то двигаться, и то со строгими ограничениями. Оставалось бунтовать – кто как мог: младшие ударялись в рев, отказывались повиноваться, старшие дрались, увлекались до фанатизма теми немногими видами спорта, что были возможны в крохотном зале, а на последних милях перед возрастом зрелости начинали всерьез интересоваться девочками.

Персонал яслей делал символические попытки пресечь непослушание, накинуть на нас узду, но скорее всего учителя знали нашим выходкам истинную цену. Так или иначе, я рос в яслях и принимал во всем этом не меньшее участие, чем остальные. Последние пятнадцать-двадцать ясельных миль я не отказывал себе в удовольствии провести время в обществе девочки – какой именно, почти не играло роли. Виктории среди моих приятельниц не было, но теперь, когда мы с ней готовились пожениться, оказалось, что прежние интрижки имеют значение, да еще какое!

Странно, но чем дольше мы с ней говорили, тем отчетливее мне хотелось похоронить призраки прошлого. Я гадал, не стоит ли исповедаться, рассказать ей о своих приключениях, как-то объяснить прежнее поведение. Однако она взяла инициативу в свои руки и ловко повела разговор так, чтобы он не царапал ни ее, ни меня. Возможно, у нее тоже были свои призраки. Она принялась рассказывать мне о повседневной жизни Города, и я, разумеется, слушал с искренним интересом.

От нее я узнал, что для женщины занять сколько-нибудь ответственную должность – дело редкое, и не обручись она со мной, ей бы не видать даже нынешней своей работы. Выйди она за негильдиера, участь ее была бы однозначна: производить на свет детей так часто, как только удастся, и отдать все свои дни возне на кухне, шитью и другим незамысловатым домашним

заботам. Теперь же она приобрела известную власть над собственным будущим и со временем могла рассчитывать даже на пост старшего администратора. В настоящий момент она проходит обучение, в принципе сходное с моим. Разница только в том, что ее наставники делают упор в первую очередь не на практику, а на теоретические знания. Потому-то ей и удалось выяснить о Городе и о том, как он управляется, куда больше, чем мне.

Мой интерес к рассказу Виктории был тем более неподдельным, что я-то говорить о своей работе вне Города просто не имел права.

По словам Виктории, Город испытывал постоянную нехватку, с одной стороны, воды – это, положим, я уже знал и от Мальчускина, – а с другой – населения.

– Уж народу тут, кажется, пруд пруди, – заметил я.

– Да, но жизнеспособных детей всегда рождалось мало, а теперь и рождений, что ни год, все меньше и меньше. Хуже того, преобладающее большинство новорожденных – мальчики, девочек почти нет. И никто не понимает почему.

– Не иначе, как от синтетической пищи, – съязвил я.

– Может быть. – Она не уловила иронии. – До выхода из яслей у меня было смутное представление о Городе в целом, но я всегда считала, что все, кто живет в Городе, здесь и родились.

– А разве это не так?

– Нет, не так. В Городе есть временные жители, это женщины, их приводят сюда, чтобы повысить рождаемость. Вернее, в надежде, что они произведут на свет девочек.

Я подумал-подумал и сказал:

– А ведь моя мать тоже была не из Города.

– Правда? – Впервые с момента нашей помолвки Виктория казалась встревоженной. – Я и не знала…

– По-моему, это яснее ясного.

– Наверное, только я как-то не задумывалась…

– Да ладно, стоит ли об этом…

Виктория внезапно смолкла. В сущности, личность моей матери меня никогда не волновала, и я пожалел, что вспомнил о ней. Что оставалось делать? Я попросил:

– Расскажи мне про все это поподробнее.

– Стоит ли? Да мне больше почти ничего и не известно. Лучше расскажи о себе. Что делается в твоей гильдии?

– Там все в порядке, – отрезал я.

Мало того, что клятва прямо запрещала мне беседовать на подобные темы, я не испытывал и охоты говорить. Виктория оборвала свой рассказ так неожиданно, что у меня создалось вполне определенное впечатление: он далеко не окончен, но какое-то опасение помешало ей продолжить. В течение всей своей жизни, или, по крайней мере, сколько я себя помнил, отсутствие матери воспринималось мной как нечто само собой разумеющееся. Мой отец, когда ему случалось упоминать о ней, делал это спокойно, между прочим, и мне казалось, что тут нет никакой загадки. Действительно, многие мои однокашники были в таком же точно положении, как и я, а уж что касается девочек, то своих матерей не знали большинство из них. И пока этот вопрос не вызвал у Виктории такой странной реакции, я о нем, в сущности, и не задумывался.

– Ты у нас исключение, – сказал я, надеясь подобраться к той же теме, только с другой стороны. – Твоя мама жила и живет в Городе.

– Угу, – отозвалась она.

На том и пришлось поставить точку. «Ну и пусть», – решил я. В конце концов, я и не собирался обсуждать с Викторией что бы то ни было, кроме наших собственных дел. Короткие два дня в Городе я хотел посвятить тому, чтобы узнать ее поближе, а вовсе не обсуждать проблемы генеалогии.

Но ощущение отчужденности, возникшее между нами, не проходило. Разговор угас.

– А что там? – спросил я, указывая на окно. – Можно туда выйти?

– Если хочешь. Пойдем, я покажу.

Вслед за ней я вышел из комнаты и направился по коридору к двери, выводящей наружу. Ничего интересного я в общем-то не увидел: открытое пространство оказалось всего-навсего узким проулком между двумя жилыми кварталами. Проулок заканчивался возвышением, туда вела деревянная лестница. Но сначала мы дошли до противоположного его конца, где была еще одна дверь, ведущая обратно в Город; затем, вернувшись, поднялись по ступенькам и очутились на площадке, где стояло несколько скамеек и еще оставалось немного свободного места. С двух сторон площадку ограждали высокие стены, с третьей – там, откуда мы поднялись, – взгляд упирался в проулок, обрамленный крышами жилых помещений. Но с четвертой стороны, где не было никаких построек, открывался вид на окружающую местность. Я испытал некоторое облегчение: условия клятвы вроде бы предполагали, что даже право выглянуть за пределы Города предоставлено лишь гильдиерам.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросила Виктория, опускаясь на скамейку лицом к лесу и холмам.

Я сел с нею рядом.

– Мне нравится.

– Ты был там?

– Был.

Ответ дался мне с трудом, – в самом деле, как ответить, не нарушая клятвы? Как рассказать Виктории о своей работе, не преступая пункт за пунктом взятых на себя обязательств?

– Нам не часто разрешают подниматься сюда, – сказала она. – Мало того, что двери на замке по ночам, их открывают только в определенное время суток. Иногда вообще не открывают по нескольку дней подряд.

– И тебе неизвестно почему?

– А тебе?

– Ну, быть может, это имеет какое-то отношение к работам, которые ведутся снаружи.

– И о которых ты не хочешь ничего рассказать.

– Не хочу, – признался я.

– Почему не хочешь?

– Не могу.

Она смерила меня взглядом:

– Ты сильно загорел. Работаешь на солнце?

– Бывает и так.

– Когда солнце поднимается над головой, площадку закрывают. Я видела только, как его лучи касаются самого верха зданий.

– Да там и смотреть не на что, – сказал я. – Солнце такое яркое, что глядеть на него в упор просто нельзя.

– Я хотела бы убедиться в этом своими глазами.

Я сменил тему.

– А чем ты занимаешься в настоящий момент? Я имею в виду – у себя на работе?..

– Составлением рационов.

– Это еще что такое?

– Мы разрабатываем сбалансированную диету. Необходимо убедиться, что синтетическая пища содержит достаточно белков и что люди получают все нужные им витамины. – Она запнулась, тон ее выдавал отсутствие интереса к теме. – Ты знаешь, что солнечный свет содержит в себе витамины?

– Серьезно?

– Витамин D. Он вырабатывается в организме, когда солнечные лучи падают на кожу. Это очень полезно знать, если никогда не видишь солнца.

– Но витамины можно синтезировать, – заметил я.

– Можно. Так мы и поступаем. Хочешь, вернемся в комнату и выпьем еще чаю?..

Я промолчал. Трудно сказать, чего я ждал, когда разыскивал Викторию, но такого я, во всяком случае, не предвидел. В тяжкие дни, проведенные с бригадой Мальчускина, я раздразнил себя романтическим идеалом, а время от времени еще и тешил себя надеждой, что, может быть, мы с ней сумеем приспособиться друг к другу; но уж, во всяком случае, мне и в голову не приходило, что с места в карьер возникнут какие-то тайные обиды. Мне мечталось, что мы рука об руку будем стремиться к тому, чтобы превратить помолвку, решенную за нас родителями, в подлинную близость, придать ей окраску дружбы и, не исключается, даже любви. Чего я никак не предполагал, так это того, что Виктория сможет взглянуть на нас обоих как бы с птичьего полета, что я для нее гильдиер, которому раз и навсегда даны запретные для нее привилегии…

Мы остались на площадке. Предложение Виктории вернуться в комнату было не лишено иронии, и я оказался достаточно восприимчивым, чтобы уловить это. На деле мы оба, я чувствовал, предпочитали площадку комнате, хоть и по разным причинам: я – потому, что работа с Мальчускиным привила мне вкус к свежему воздуху и мне стало теперь тесно и неуютно в городских стенах; Виктория, вероятно, потому, что площадка была для нее единственно возможным способом

как бы выйти из Города. И все равно – холмистый пейзаж невольно напоминал нам обоим о той дистанции, которой мы прежде не осознавали и которая вдруг разъединила нас.

– Ты могла бы попросить о переводе в гильдию, – предложил я под влиянием минуты. – Уверен, что…

– Я ношу юбку, – резко перебила она. – Ты что, до сих пор не заметил, что гильдиеры – сплошь мужчины?

– Нет…

– Не нужно долго напрягать мозги, чтобы взять в толк простую истину, – продолжала она с жаром, в котором отчетливо проступала горечь. – Я сталкивалась с этим всю мою жизнь, просто не задумывалась толком: отец вечно в отъезде, мать занята по горло городскими делами – питанием, отоплением, ликвидацией отходов, короче, всем, что мы привыкли получать на дармовщинку. Только теперь до меня наконец-то дошло, что к чему. Женщины для Города – слишком большая ценность, чтобы рисковать ими, выпуская наружу. Они нужны здесь, в этих стенах, потому что они рожают детей и их можно заставить рожать снова и снова. Зато женщины, которых приводят в Город, произведя на свет ребенка, при желании могут потом уйти. – Опять та же скользкая тема, но на сей раз Виктория не запнулась. – Знаю, что кто-то должен работать за стенами Города, знаю, что эта работа связана с риском… но меня же ни о чем не спросили! Лишь потому, что я женщина, я обречена сидеть в этих проклятых стенах, изучать увлекательные секреты изготовления синтетической пищи и – рожать и опять рожать, как только сумею…

– Ты что, не хочешь выходить за меня?

– У меня нет выбора.

– Большое спасибо.

Она встала со скамейки и гневно шагнула назад к лестнице. Я последовал за ней вниз и дальше по коридору, но в комнату не вошел, а остался в дверях. Она стояла, повернувшись ко мне спиной, и смотрела в окно на узкий проулок между строениями.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Да нет… Войди и закрой дверь.

Я послушался – она не шевельнулась. Наконец, предложила:

– Давай я сварю еще чаю.

– Свари.

Вода в кастрюльке еще не успела остыть и через минуту вновь закипела.

– Нас никто не заставляет жениться, – произнес я.

– Какая разница – не ты, так кто-то другой. – Она обернулась и села подле меня, держа в руках чашку с синтетическим пойлом. – Пойми, Гельвард, я ничего не имею против тебя лично. Нравится нам это или нет, и моей и твоей жизнью распоряжается система. Система гильдий. Тут уж ничего не попишешь.

– Почему? Систему можно и изменить.

– Но не эту. Она слишком крепко укоренилась. Гильдиеры закрыли Город на замок – по каким причинам, я, наверное, никогда не узнаю. Только сами гильдиеры могли бы изменить систему, а они этого никогда не сделают.

– Ты говоришь очень убежденно, – заметил я.

– А я и впрямь убеждена в том, что говорю. Убеждена по очень простой причине. Ведь системой, которая управляет моей жизнью, в свою очередь управляет жизнь за стенами Города. И точно так же, как я никогда не выйду за эти стены, я никогда не смогу предпринять ничего, чтобы распорядиться собой.

– И все-таки ты могла бы добиться чего-то… через меня.

– Ты же не хочешь говорить о себе.

– Не могу.

– Почему?

– И об этом я тоже не вправе сказать.

– Тайны! Кругом тайны!..

– Если угодно, – согласился я.

– И даже сидя здесь со мной, ты связан этими тайнами по рукам и ногам.

– А что мне делать? – ответил я попросту. – Меня заставили принести клятву…

И тут я осекся, вспомнив, что само существование клятвы оговорено в ней как тайна. Выходит, я уже нарушил ее, и нарушил так легко и естественно, что это наверняка случалось не раз и раньше.

Как ни удивительно, Виктория приняла мои слова совершенно спокойно.

– Стало быть, система гильдий сама себя охраняет. Ну что ж, в этом есть свой резон.

Я допил чай.

– Наверное, мне лучше уйти.

– Ты сердишься на меня? – спросила она.

– Да нет. Просто…

– Не уходи. Извини, что я не сдержалась… ты тут ни при чем. Ты сказал недавно, что с твоей помощью я смогу распорядиться своей судьбой. Что ты имел в виду?

– Да в общем-то сам не знаю. Быть может, у тебя как у жены гильдиера – а я рано или поздно стану им – появится больше возможностей…

– Для чего?

– Ну, как бы это сказать… для того, чтобы с моей помощью уловить смысл всей системы.

– Но ты же дал клятву ничего не говорить мне.

– Ах, да…

– Значит, гильдиеры все предусмотрели заранее. Система требует сохранения тайны, иначе ей несдобровать.

Откинувшись на кровать, она прикрыла глаза.

Я был очень смущен и сердит на себя. Прошло всего десять дней ученичества, а я формально уже заслужил смертный приговор. Странную эту логику было трудно принять всерьез, но память подсказывала мне, что в момент принесения клятвы угроза звучала вполне убедительно. Но главное – и это усугубляло мое замешательство, – Виктория невольно усложнила и без того неясные обязательства, принятые нами по отношению друг к другу. Я не мог не посочувствовать ей – и не в силах был ничего изменить. Я еще не забыл свою собственную жизнь в яслях и подспудное раздражение отлученностью от всего остального Города; а уж если позволить человеку участвовать в городских делах, но лишь до определенного предела, который ему никогда не переступить, раздражение не только сохранится, но и неизмеримо возрастет. Однако проблема-то для Города никак не нова – мы с Викторией не первые, кого женят тем же порядком. И до нас были другие, кто наталкивался на ту же преграду. Неужели все они попросту принимали систему, как она есть?..

Я вышел из комнаты и направился в сторону яслей. Виктория сидела не шевелясь.

Едва я расстался с невестой, как противоречивые чувства, одолевавшие меня в ее присутствии, да и ее заботы, сразу же отошли на задний план, зато, и с каждой минутой сильнее, меня стала терзать тревога о собственном моем положении. Если принимать клятву всерьез, то оброни Виктория одно слово

любому встречному гильдиеру – и меня казнят. Мыслимо ли, чтобы мое невольное клятвопреступление оказалось столь ужасным?

Но может ли Виктория передать кому-нибудь то, что я ей говорил? Как только я задал себе этот вопрос, первым моим побуждением было броситься к ней обратно и умолять о молчании – но это значило бы лишь придать и ее негодованию и моему клятвопреступлению еще больший вес.

Остаток дня я провел, лежа у себя на койке и мучительно размышляя о создавшемся положении. Вечером поужинал в одной из городских столовых и был благодарен судьбе, что она уберегла меня от новой встречи с Викторией.

А среди ночи Виктория пришла ко мне в каюту. Сквозь сон я услышал, как скрипнула дверь, а раскрыв глаза, увидел ее темный силуэт подле самой постели.

– Кто тут?

– Тсс… Это я.

– Чего тебе?

Я протянул руку, нащупывая выключатель, но она перехватила мое запястье.

– Не надо света. – Она опустилась на край постели, и я, приподнявшись, очутился рядом с ней. – Извини меня, Гельвард. Вот и все, что я хотела сказать.

– Да ладно, чего уж там…

Она рассмеялась:

– Ты что, еще не проснулся?

– Не знаю. Может, и сплю.

Она склонилась ко мне, слегка подталкивая в грудь, и вдруг, подняв руки, сомкнула их у меня на шее, и я почувствовал на губах ее губы.

– Не говори ничего, – шепнула она. – Просто мне очень жаль, что мы поссорились.

Мы снова поцеловались, и теперь она обняла меня по-настоящему крепко.

– Я чуть было сам к тебе не пришел, – признался я. – Я сделал ужасную, непростительную ошибку. Я боюсь.

– Чего?

– Я сболтнул лишнего… сказал тебе, что меня заставили принести клятву. Ты была права – гильдиеры опутывают посвященных сетями тайны. Когда меня принимали в ученики, то заставили поклясться во многом, и в частности в том, что я никому не скажу о существовании самой клятвы. А я сказал тебе – и значит нарушил ее…

– Не все ли равно?

– Кара за нарушение клятвы – смертная казнь.

– Но сначала они должны еще узнать об этом.

– А вдруг…

– А вдруг я проболтаюсь? Но с какой стати?

– Ну, откуда я знаю. Ты такое днем говорила, ты оскорблена, что тебе не дали распорядиться своей судьбой. Я думал, ты используешь мою неосторожность против меня.

– До этой самой минуты я и не догадывалась, в чем дело. Да и теперь промолчу. В конце концов, зачем жене предавать собственного мужа?

– Ты все еще не раздумала выходить за меня?

– Нет.

– Хотя наш брак и решен против нашей воли?

– Это хорошее решение, – сказала она.

Потом мы перешли в комнату Виктории, и она спросила:

– Ты расскажешь мне, что делается за стенами Города?

– Да не могу я!

– Из-за клятвы?

– Вот именно.

– Но ведь ты уже нарушил ее. Какая теперь разница?

– Да и рассказывать, в сущности, нечего, – заявил я. – Десять дней надрывался на черной работе, а к чему, зачем – сам толком не знаю.

– А что это была за работа?

– Виктория, не надо… не выспрашивай меня.

– Ну ладно, расскажи мне про солнце. Почему тем, кто заперт в Городе, не разрешают смотреть на него?

– Понятия не имею.

– С ним что-нибудь не в порядке?

– Да нет, не думаю…

Виктория задавала мне вопросы, какие я должен был бы задать себе сам, но не задал. В сумбуре новых впечатлений у меня не оставалось времени на то, чтобы запомнить, что именно я видел, не говоря уже о том, чтобы осмыслить увиденное. Но как только эти вопросы были поставлены передо мной, они потребовали ответа – а был ли у меня ответ? Может, с солнцем действительно что-то неладно, и это угрожает безопасности Города? А если так, то угрозу не следует разглашать? Но я же видел солнце своими глазами, и…

– Да нет, с солнцем все в порядке, – ответил я. – Только выглядит оно не так, как я думал…

– Солнце – шар.

– Ничего подобного. Или, по крайней мере, оно не похоже на шар.

– А на что оно похоже?

– Мне наверняка не следовало бы говорить об этом.

– Раз уж начал, продолжай.

– Да это, должно быть, и неважно.

– Важно.

– Ну, ладно. – Я уже и так сказал слишком много, но что мне оставалось делать? – Днем его как следует не разглядишь, оно чересчур яркое. Но на восходе и на закате на него можно смотреть, хоть и не подолгу. По-моему, оно имеет форму диска. Но это не просто диск, и я не нахожу слов, чтобы описать его. Понимаешь, из центра диска кверху и книзу торчит какое-то острие.

– И острие тоже часть солнца?

– В том-то и штука. Что-то вроде волчка. Только его трудно разглядеть толком – солнце такое яркое даже в эти минуты. В прошлую ночь я вышел на улицу, небо было ясное, светила луна. И представь, луна имеет такую же форму. Но до конца ее было тоже не разглядеть – луна была неполная.

– Ты не шутишь?

– Я видел это своими глазами.

– Ведь нас учат совсем по-другому.

– Знаю, что по-другому, – ответил я. – Но что я видел, то видел.

Больше я ничего не сказал. Виктория так и сыпала вопросами, но я ушел от них, утверждая, что не знаю ответов. Тогда она предприняла еще одну попытку выяснить характер моей работы, но я, сам не знаю как, ухитрился промолчать. Потом я, в свою очередь, стал расспрашивать о ее жизни, и мало-помалу мы ушли от опасной для меня темы. Конечно, ушли не навсегда, но я по крайней мере выиграл время, чтобы подумать.

Поутру Виктория приготовила завтрак, а после завтрака забрала мою форму и унесла в стирку, оставив меня в комнате одного. Воспользовавшись ее отсутствием, я помылся и побрился, а затем завалился на кровать и лежал, пока она не вернулась.

Я вновь надел форму: она холодила и хрустела на сгибах, будто недавно вовсе и не была закаменевшей вонючей тряпкой, в какую превратилась за десять дней работы вне Города.

Мы провели вместе весь день, и Виктория вызвалась показать мне Город. Он оказался обширнее и запутаннее, чем представлялось. В сущности, до сих пор я видел лишь жилые и административные строения, а оказывается, было еще и множество других помещений. Я поймал себя на мысли, что здесь не трудно и заблудиться, однако Виктория обратила мое внимание на планы, вывешенные в определенных местах на каждом этаже.

Было заметно, что планы не единожды переделывались, а один из них буквально приковал меня к себе. Мы находились на каком-то из нижних уровней – и тут возле новенького, недавно вывешенного плана уцелел старый, прикрытый листком прозрачной пластмассы. Заинтересовало меня прежде всего то, что надписи на плане были сделаны на нескольких языках, из которых, помимо английского, я узнал только французский.

– А остальные что за языки? – осведомился я у Виктории.

– Вот это немецкий и итальянский. А это, – она указала на необычные вычурные знаки, – китайский.

Я присмотрелся к плану внимательнее, сравнивая его с новым, висящим по соседству. Некоторое сходство прослеживалось, но обращали на себя внимание значительные изменения в планировке Города.

– Но почему так много языков?

– Мы происходим от группы людей разных национальностей. По-видимому, английский стал в Городе общепринятым языком тысячи миль назад – и все же так было не всегда. Моя семья, например, французского происхождения.

– Да, наверное, – отозвался я.

На том же уровне Виктория привела меня на фабрику синтеза. Именно здесь из древесины и растительного сырья получали заменители белков и другие органические вещества. Здесь стоял резкий, неприятный запах, и люди, работавшие на фабрике, были в масках. Мы с Викторией быстро перешли в следующие помещения, где велись исследования по улучшению состава продуктов и их вкуса. Тут-то, как еще раз подчеркнула Виктория, ей и предстояло работать.

Позже она вновь принялась жаловаться на свои разочарования, нынешние и будущие. Но я уже был как-то подготовлен к этому и сумел ее утешить. «Посмотри на свою маму, – говорил я, – она занята с утра до вечера, и кто посмеет утверждать, что ее жизнь лишена смысла…» Пришлось пообещать – под нажимом, – что я буду шире посвящать Викторию в свои дела, и еще, что, став полноправным гильдиером, приложу все силы, чтобы сделать систему в целом более открытой. Все это вместе взятое, видимо, успокоило Викторию, и вечер, а затем и ночь прошли в мире и согласии.

Мы с Викторией решили, что поженимся при первой же возможности. Она взялась в течение ближайшей мили выяснить, какие надо выполнить формальности; если удастся, хотелось бы покончить с ними в дни моего следующего отпуска или, на худой конец, еще через десять дней. Но пока мне предстояло вернуться к своей работе у Мальчускина.

Едва я выбрался из-под городских стен, мне бросились в глаза перемены, происшедшие в мое отсутствие. В окрестностях Города не осталось никаких следов работы путевых бригад. Ни одной хижины-времянки, ни одного электромобиля в пунктах перезарядки, – не иначе, все они укатили вперед за гребень. Но самой большой новостью для меня явились пять канатов на земле подле путей: они начинались от северной стены Города и исчезали за тем же гребнем. Пути охранялись: вдоль них выхаживали взад и вперед несколько стражников.

Заподозрив, что у Мальчускина сейчас дел невпроворот, я ускорил шаг. Едва я добрался до вершины, мои подозрения подтвердились: в отдалении, там, где рельсы обрывались, суетилось множество людей, особенно вокруг правого внутреннего пути. Еще дальше две, если не три бригады рабочих возились у каких-то металлических конструкций, но чем именно они заняты, с такого расстояния не было видно. Я почти бегом устремился вниз под уклон.

Расстояние оказалось даже бо`льшим, чем я предполагал: самый длинный из рельсовых путей протянулся теперь на полторы мили с лишним. Солнце уже поднялось высоко, и, прежде чем разыскать Мальчускина с его бригадой, я порядком взмок.

Сам Мальчускин почти не обратил на меня внимания, я просто скинул форменную куртку и присоединился к остальным. Нам предстояло дотянуть правый внутренний путь до той же отметки, что и остальные, но задача осложнялась тем, что нам попался участок с твердой скальной подпочвой. Правда, отпадала нужда в бетонных основаниях, но каждую шпалу приходилось заглублять в грунт с огромным трудом.

Я взял кирку со стоящего рядом грузовичка и приступил к работе. И вскоре запутанные проблемы, с которыми я столкнулся в Городе, отступили куда-то далеко-далеко.

В минуты отдыха я узнал от Мальчускина, что, не считая нашего участка пути, все практически готово к перемещению: опоры установлены, канаты протянуты. Подведя меня к одной из опор, он показал мне стальные балки, вкопанные глубоко в почву как якоря; к балкам крепились толстые канаты. На трех окончательно готовых опорах канаты были уже закреплены, на четвертой все шло к тому же, да и пятая была почти собрана.

Гильдиеры, руководившие установкой опор, казались взвинченными до предела, и я не мог не поинтересоваться у своего наставника, что бы это значило.

– Время не ждет, – ответил он. – С предыдущего перемещения прошло уже двадцать три дня. Если не произойдет ничего непредвиденного, мы проведем новое перемещение завтра. Значит, двадцать четыре дня, так? Город передвинется менее чем на две мили, но оптимум-то переместился за это время на две с половиной! Выходит, даже в лучшем случае мы окажемся еще на полмили дальше от оптимума, чем в прошлый раз.

– И этого нельзя наверстать?

– Наверное, можно, но не сразу. Вчера вечером я толковал с движенцами, – по их мнению, ближайшее перемещение должно быть совсем коротким, зато потом последуют два длинных. Их беспокоят те дальние холмы…

Он неопределенно махнул рукой в северном направлении.

– А разве холмы нельзя обойти? – спросил я. Мне чудилось, что на северо-западе холмы вроде бы пониже.

– В принципе можно, но кратчайший путь к оптимуму всегда лежит строго на север. Любое угловое отклонение означает, что придется преодолевать большее расстояние.

Я не совсем понял Мальчускина, но чувство безотлагательности нашей работы начало захватывать и меня.

– Одно хорошо, – продолжал наставник. – Завтра мы распростимся с этой бандой мартышек. Разведчики обнаружили на севере крупное поселение, и тамошние

жители отчаянно нуждаются в работе. Вот таких я люблю. Чем они голоднее, тем старательнее – в первую неделю по крайней мере.

Работа шла весь день, да и вечером мы вкалывали до самого заката. Мальчускин и другие гильдиеры-путейцы подгоняли рабочих все более злыми и забористыми ругательствами. Признаться, у меня не оставалось ни сил, ни времени хотя бы обернуться на ругань: гильдиеры и сами, и я вслед за ними трудились не покладая рук. К тому часу, когда мы добрались до хижины, я был совершенно измотан.

Утром Мальчускин поднялся ни свет ни заря, наказав мне вывести Рафаэля и всю бригаду на работу так рано, как только получится. Прибыв на место, мы застали Мальчускина и трех других путейцев ожесточенно спорящими с гильдиером, ответственным за канаты. Как мне и было велено, я поставил Рафаэля с его подчиненными работать на путях, хотя спор возбудил во мне любопытство. Но Мальчускин, вернувшись, не обмолвился на этот счет и словом, а с яростью набросился на очередной рельс, покрикивая на бригадира. Пришлось дожидаться неблизкого перерыва, чтобы выяснить, в чем дело.

– Движенцы, черт их побери! – зло сказал он. – Им не терпится начать перемещение прямо сейчас, хотя пути еще не уложены.

– Как же так?

– А вот так. Мол, пройдет не меньше часа, прежде чем Город поднимется на гребень, а за это время можно докончить последний участок. Мы воспротивились их затее.

– Почему? Вроде бы вполне логично.

– Логично-то логично, только нам пришлось бы работать под канатами. А канаты натянуты как струны, особенно когда Город тащат на подъем.

– Ну и что?

– Тебе пока еще не случалось видеть, как лопается канат? – Вопрос был явно риторический: до сей поры я и не ведал, что город тащат на канатах. –

Раздается звук, как от выстрела, и тебя перерезает пополам прежде, чем ты этот звук услышишь, – закончил Мальчускин мрачно.

– И что же вы решили?

– Нам дали час, чтобы закруглиться, а потом они начнут перемещения, невзирая ни на что.

Оставалось уложить три плети рельсов. Мы дали людям еще несколько минут отдыха, а затем возобновили работу. Поскольку на небольшом участке теперь сосредоточились усилия четырех гильдиеров и их бригад, дело двигалось быстро, и все равно прошел почти час, прежде чем мы закрепили последний стык. Мальчускин с удовлетворенным видом дал движенцам отмашку, что все в порядке. Мы собрали свои инструменты и отнесли их в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prist_kristofer/oprokinutyy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить